



Дженни КОЛГАН

Слаще мармеладного драже...
Каждая страница — лакомство.

Cosmopolitan

Шоколадная лавка в Париже

Веселый и умный роман,
пронизанный
непревзойденным
шармом.

Closer



Дженни Колган

Шоколадная лавка в Париже

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Колган Д. Т.

Шоколадная лавка в Париже / Д. Т. Колган — «Азбука-Аттикус»,
2013

ISBN 978-5-389-18194-6

Анна Трент, невольная виновница аварии на шоколадной фабрике, теряет работу. Благодаря случайной встрече со своей школьной учительницей французского она отправляется в Париж, где знакомится с гениальным шоколатье Тьерри Жираром. После захолустного английского городка, в котором Анна провела всю жизнь, Париж ошеломляет и пугает, а все, чему она научилась на фабрике, приходится забыть. В лавке Тьерри шоколад не производят промышленным способом, здесь его приготовление – высокое искусство. Но постепенно Анна подпадает под неотразимое обаяние французской столицы. И каждое утро, едва над мостом Понт-Неф занимается заря и оживают зеленые аллеи, она уже в лавке – варит самый нежный, самый изысканный, самый дорогой шоколад, по которому сходят с ума парижские гранд-дамы. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18194-6

© Колган Д. Т., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дженни Колган

Шоколадная лавка в Париже

Название в точности отражает содержание! Если любите шоколад и Париж (или надеетесь когда-нибудь полюбить. Не волнуйтесь, вы непременно там побываете. А город сильно не меняется)... то эта книга написана для вас.

Дженни Колган

© А. Д. Осипова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

От автора

В Париже много чудесных шоколадных лавок. Моя любимая – «Патрик Роже» на улице Фобур-Сен-Оноре. Очень рекомендую там побывать и отведать горячего шоколада, в какое бы время года вы ни приехали. Хозяина лавки, как нетрудно догадаться, зовут Патрик. У него кудрявые волосы, в глазах играют озорные искорки, и вообще вид у него очень хитрый.

В книге рассказывается не о какой-то конкретной шоколадной лавке. Скорее она иллюстрирует общее правило: когда люди посвящают жизнь делу, по-настоящему любимому и хорошо изученному, с ними происходят настоящие чудеса.

Говорят, что причина нашей любви к шоколаду в том, что он тает ровно при той температуре, которая поддерживается у нас во рту. Ученые еще рассуждают о выбросах эндорфина и тому подобном. Все это химические причины, но какими бы ни были объяснения, шоколад – штука замечательная.

Надо заметить, сладкое любят не только женщины. Не могу незаметно пронести в дом даже пакетик шоколадного печенья: муж обязательно учует и съест. Поэтому включила в эту книгу несколько очень вкусных рецептов. Хочу надеяться, что в более зрелые годы смогу готовить десерты с шоколадом, а не поглощать его, как только обнаружу дома или в машине.

Некоторое время назад мы переехали во Францию по работе мужа. С удивлением я узнала, что здесь к шоколаду относятся так же серьезно, как и к любой другой пище. «La Maison du Chocolat» – очень престижная сеть. Ее магазины есть в большинстве городов. Там можно обсудить с шоколатье, что именно вам нужно и что еще вы собираетесь подавать к столу. Это все равно что советоваться по поводу вина с сомелье. Но лично я ничуть не меньше радуюсь большой плитке «Dairy Milk» или «Toblerone» или моему самому любимому – «Fry's Chocolate Cream» (без начинки). Наслаждаться можно не только деликатесами. Увы, мои дети уже достаточно большие, чтобы понимать, кто ворует у них шоколадки «Киндер». Дети, мне очень жаль, но я просто обязана открыть вам неприятную правду. Это делает ваш папа.

Перед тем как начнем, хочу сказать пару слов об иностранных языках. По моему опыту, учить другой язык ужасно трудно – если вы, конечно, не входите в число тех, кто все схватывает на лету. В таком случае могу сказать только одно (показывает язык): безумно вам завидую.

Обычно, когда герои книг разговаривают на иностранном языке, это каким-то образом обозначается. Но я решила так не делать. Все, с кем Анна общается в Париже, разговаривают с ней по-французски, если не указано обратное. Тут нам с вами остается только восхититься: удивительно! Как же ей удалось так быстро выучить французский? Конечно же, Клэр дала ей много уроков, но если вы когда-нибудь учили иностранный язык, то знаете: можно очень уверенно разговаривать на нем в классе, но стоит приехать в страну, как окажется, что все тараторят со скоростью миллион слов в час. Остается только запаниковать – еще бы, ведь ты не можешь разобрать ни словечка. По крайней мере, со мной было именно так.

В общем, считайте, что у Анны все точно так же. Но чтобы не повторяться и не отвлекаться от истории, опущу все те моменты, когда она спрашивает: «Что вы сказали?», или просит: «Повторите, пожалуйста», или заглядывает в словарь.

Надеюсь, книга вам понравится. Пишите, удалось ли приготовить что-нибудь вкусное по рецептам. И – bon appetit!

Джени

Глава 1

Вот ведь что странно. Я сразу поняла: случилось что-то плохое. Очень плохое, ужасное, из ряда вон выходящее, чрезвычайно серьезное и при этом крайне унижительное для моего достоинства. И все равно смеялась не переставая. Буквально захлебывалась от смеха.

Вот я лежу на полу, с ног до головы залитая жидким шоколадом, хихикаю как дурочка и не могу остановиться. Надо мной склоняются какие-то люди. Некоторых я узнаю. Но никто, кроме меня, не смеется. Наоборот, все очень серьезны. Почему-то от этого еще смешнее.

– Убирай! – велел кто-то, кого мне с пола было не видно.

– Еще чего! – ответили ему. – Сам убирай! Фу, гадость какая!

А потом еще кто-то – наверное, Флинн, наш новый посыльный на складе, – сказал:

– Сейчас позвоню в девять-один-один.

– Флинн, не валяй дурака! – ответили ему. – Мы что, в Америке? У нас номер службы спасения – девять-девять-девять!

– По-моему, у нас теперь тоже есть номер девять-один-один, – возразил кто-то. – Пришлось завести – всякие придурки вечно пытаются по нему звонить.

Тут кто-то четвертый достал телефон и заявил, что вызывать надо «скорую помощь». Это мне тоже показалось смешным до колик. И тут я безошибочно узнала голос старушки Дэл, нашей ворчливой уборщицы. Она сказала:

– Ну, этот замес только на выброс годится.

Я представила, как шоколад с меня собирают обратно в огромный чан и пытаются продать, и захохотала с новой силой. Это же просто умора!

Потом, слава богу, ничего не помню. Правда, в больнице ко мне подошел фельдшер со «скорой помощи» и сказал, что в машине я ржала как ненормальная. Он, конечно, знает, что люди по-разному реагируют на шок, но чтобы настолько... Тут фельдшер заметил выражение моего лица и прибавил:

– Не расстраивайся, дорогуша, еще посмеешься.

Но в тот момент мне казалось, что я навсегда утратила способность смеяться.

– Дебс, милая, успокойся. Подумаешь, нога! Могло быть гораздо хуже. А если бы в лицо попало?

Это папа утешает маму. Он у меня оптимист.

– Тогда ей сделали бы новый нос. Она ужасно комплексует из-за носа.

Мама в своем репертуаре. Да, ей не мешало бы поучиться у папы во всем находить положительные моменты. Вот, уже рыдает. Хочу открыть глаза, но не могу: свет невыносимо яркий. Наверное, это не лампа, а солнце. Может, я на курорте? Ну, что не дома – это точно. В Кидинсборо, моем родном городке, солнце не светит в принципе. Три года подряд Кидинсборо уверенно занимал первое место в телеголосовании за худший город Англии, пока передачу не сняли с эфира из-за возросшей в связи с этим локальной политической напряженности.

Голоса родителей уплыли далеко, будто кто-то настраивал радио и переключился на другую волну. Интересно, они еще здесь или мне это только почудилось? Вроде лежу без движения, но чувство такое, будто корчусь и извиваюсь, пытаюсь вырваться из тюрьмы собственного тела. Кажется, будто кричу во весь голос, но никто меня не слышит. Пытаюсь пошевелиться – бесполезно. Ослепительный свет сменяется чернотой, а чернота – ярким солнцем. Непонятно, сон это или явь. Если сон, то кошмарный. Ступни, пальцы ног, родители то появляются, то исчезают... С ума схожу – а может, уже сошла? Что, если вся остальная моя жизнь – сон? Да, именно: мне приснилось, что зовут меня Анна Трент, что мне тридцать лет и что работаю я дегустатором на шоколадной фабрике.

Так и быть, раз уж мы затронули эту тему, сразу отвечу на топ-10 вопросов, которые задают дегустатору на шоколадной фабрике в ночном клубе «Лица». Местечко так себе, но другие наши клубы еще хуже.

1. Да, бесплатные образцы попробовать дам.
2. Нет, я не такая толстая, какой, по вашему мнению, должна быть представительница моей профессии.
3. Да, у нас все так же, как в «Чарли и шоколадной фабрике». В точности.
4. Нет, в чан с шоколадом пока никто кучу не навалил¹.
5. Нет, моя работа не делает меня более популярной, чем большинство обычных женщин. Мне тридцать, а не семь.
6. Нет, от шоколада не тошнит. Я его просто обожаю. Но если вам эта мысль помогает примириться с нелюбимой работой – ради бога, не стану разубеждать.
7. Значит, в трусах у тебя есть кое-что слаще шоколада? Как интересно! (Картинно зевает.) (Примечание: хотелось бы набраться храбрости и отколоть такой номер на самом деле, но обычно я просто морщусь и отворачиваюсь. Всяких нахалов у нас отшивает моя лучшая подруга Кейт. Ну, или затаскивает их к себе в постель.)
8. Хорошо, непременно предложу руководству твою идею выпускать шоколад с арахисовым маслом, пивом, водкой, джемом и т. д. Но насчет того, что мы на ней озолотимся, ты, скорее всего, ошибаешься.
9. Да, я умею делать самый настоящий шоколад. Вот только на фабрике «Брэйдерс» он готовится автоматически в огромном чане, а я просто слежу за процессом. Конечно, хочется привнести в работу больше творчества, но, если верить нашему начальству, никому эти эксперименты не нужны. Покупатели любят, чтобы вкус у товара всегда был одинаковый и хватало нашей продукции надолго. Так что готовить шоколад – дело довольно однообразное.
10. Нет, это не лучшая работа на свете. Но это моя работа, и я ее люблю. Вернее, любила, пока не угодила сюда.

А потом обычно говорю: «Спасибо, я буду ром с колой».

– Анна!

В ногах моей кровати сидел мужчина. Я никак не могла сфокусировать на нем взгляд. Мое имя он знал, но кто это такой, я понятия не имела. Так нечестно. Я попыталась открыть рот, но кто-то насыпал туда песка. Спрашивается – зачем? Что за глупые шутки?

– Анна!

Опять тот же голос. Нет, не померещилось. Сомнений нет: звук исходит от силуэта в ногах моей кровати.

– Слышите меня?

«Попробуй не услышь! Сидите в ногах моей кровати и вопите во весь голос!» – хотела ответить я, но выдать удалось только сдавленный хрип.

– Отлично. Замечательно! Хороший знак. Хотите воды?

Я кивнула. Согласиться проще всего.

– Хорошо, хорошо. Только кивайте осторожнее, а то датчики сместите. Сестра!

Откликнулась ли сестра на зов, не знаю: меня вдруг опять утянуло в черную бездну. Последняя сознательная мысль: интересно, ее не бесит, когда ей вот так орут: «Сестра!»? И еще: кажется, родители говорили, у меня что-то с носом – но что? Не помню.

¹ Хотя от Флинна всего ожидать можно... (Прим. авт.)

– А вот и она.

Тот же самый голос.

Сколько времени прошло, я понятия не имею. Но свет, кажется, изменился. Резкая боль пробежала по телу, будто электрический разряд. Я охнула.

– Вот видишь! Скоро будет как новенькая.

Это, конечно, папа.

– Ох, не нравится она мне.

Мама.

– Можно стакан воды? – попросила я, но получилось только: «Мо ста ды?»

К счастью, рядом оказался кто-то, понимавший язык людей, у которых во рту пустыня. К моим губам тут же приложили пластиковый ободок. Этот крошечный стаканчик чуть теплой водопроводной воды с привкусом мела – лучшее, что я пробовала за всю жизнь. Даже считая тот раз, когда впервые ела шоколадное яйцо «Crème Egg». Я с жадностью проглотила воду. Попросила еще, но мне ответили: «Нельзя». Вот так – нельзя, и все. Неужели я в тюрьме?

– Можете открыть глаза? – спросил тот же повелительный голос.

– Конечно может.

– Ой, не знаю, Пит. Ой, не знаю.

Как ни странно, именно мамино отсутствие веры в мою способность поднять веки заставило меня поднапрячься как следует. Картинка появилась, потом пропала, и вот наконец передо мной замаячила размытая фигура, сидевшая на краю кровати. Я ее уже видела. Ну сколько можно? А рядом – еще две фигуры, такие родные и знакомые.

Я узнала рыжеватый оттенок маминых волос. Она красится дома, хоть Кейт и предлагала ей салонное окрашивание почти бесплатно – вернее, бесплатно, по мнению Кейт. По маминому мнению, цена заоблачная. А еще мама считает Кейт распушенной. Что правда, то правда, но ведь на талант парикмахера это не влияет. А таланта парикмахера у Кейт, увы, кот наплакал.

Вот почему каждый месяц мама неделю ходит с ободком хны сверху лба: это остатки несмывшейся краски.

Заметив, что папа надел лучшую рубашку, я забеспокоилась всерьез. Папа наряжается только на свадьбы и похороны, а мне замужество в ближайшее время определенно не светит. Разве что если Дарр превратится в нового человека, с другим типом внешности и характера. Впрочем, это весьма маловероятно.

– Привет, – выдавила я и тут почувствовала: пустынные пески отступают.

Стена между реальным миром и песчаной бурей забвения и боли рухнула. Анна вернулась, и теперь я на сто процентов уверена: это определенно мое тело.

– Девочка моя!

Мама разразилась рыданиями. Папа к бурным выражениям чувств не склонен и просто осторожно взял меня за руку. За свободную, а не за ту, где под кожу уходила здоровенная трубка. В жизни ничего отвратительнее не видела.

– Фу, – протянула я. – Это что? Гадость какая!

Фигура в ногах кровати снисходительно улыбнулась.

– Уверяю, без этой трубки было бы еще гадостнее, – заметил мужской голос. – Через нее в ваш организм поступает обезболивающее и другие лекарства.

– Что-то оно у вас слабовато поступает, – заметила я.

Меня снова молнией пронзила боль: от пальцев левой ноги по всему телу.

Тут я заметила другие трубки, причем некоторые из них выходили из мест, которые при папе лучше не упоминать, и притихла. До чего же странно я себя чувствовала!

– Голова закружилась? – спросил любитель сидеть на моей кровати. – Это нормально.

Мама все еще всхлипывала.

– Мама, все хорошо.

От ее ответа меня пробрала холодная дрожь.

– Нет, милая. Что уж тут хорошего? Вообще ничего!

Следующие несколько дней я засыпала ни с того ни с сего, в любое время. Доктор Эд – нет, серьезно, именно так он себя и называет, будто доктор из телепрограммы, – приходил и садился в ногах моей кровати. Другие врачи так не делали, а он сидел и смотрел мне в глаза – видно, очень старался общаться со мной как с человеком, а не как с пациенткой. Но мне больше нравился высокомерный консультант: он заходил раз в неделю, меня едва устаивал взглядом и задавал своим студентам всякие каверзные вопросы.

Но благодаря дружеским беседам с доктором Эдом постепенно я начала припоминать, что же все-таки со мной стряслось. Я поскользнулась на фабрике. Сотрудники сразу оживились: вдруг администрация нарушила технику безопасности и все мы вот-вот станем миллионерами? Но оказалось, вина целиком и полностью моя. День выдался не по-весеннему жаркий, и я решила выгулять новые туфли. Выяснилось, что для хождения по фабричным полам они, увы, не приспособлены. Нога поехала, и меня непостижимым образом угораздило врезаться в лестницу возле чана и опрокинуть все: и лестницу, и чан. А потом меня привезли в больницу, и с тех пор я лежу здесь и болею.

– На меня инфекция напала? – спросила я у доктора Эда. – Странное выражение – «инфекция напала». Как будто меня укусило какое-то насекомое.

– Вроде того, – доктор улыбнулся.

Зубы у него такие белые, что глаза слепят. Вряд ли это у него от природы. Наверное, и впрямь на телевидении работать собирается.

– Но ваше насекомое, Анна, совсем маленькое: всего лишь крошечный паучок.

– Пауки не насекомые, – проворчала я.

– Ха-ха! Верно.

Доктор Эд убрал волосы со лба.

– Эти насекомые совсем малюсенькие. Даже если бы у меня на пальце их сидела тысяча штук, вы бы не разглядели. Вот какие они крошечные.

Наверное, в моей медицинской карте опечатка: в графе «возраст», похоже, написано, что мне восемь, а не почти тридцать один.

– Какая разница, большие они или маленькие? – пробормотала я. – Главное, что из-за них чувствую себя дерьмово.

– Вот поэтому мы и бросили на борьбу с ними весь доступный арсенал! – возвестил доктор Эд.

Ни дать ни взять Супермен или другой какой-нибудь супергерой. Я не стала говорить, что, если бы они у себя в больнице убирали как следует, инфекция ко мне не привязалась бы.

А самочувствие у меня и впрямь отвратительное. Про еду даже думать не хочется, пить могу только воду. Папа принес мне зефир. Мама чуть не побила беднягу: отчего-то она вообразила, что зефир застрянет у меня в глотке и я отброшу коньки прямо у родителей на глазах.

Большую часть времени я сплю, а когда бодрствую, сил ни на что нет: ни смотреть телевизор, ни читать, ни разговаривать по телефону. Если верить моему телефону (кто-то – наверняка Кейт – воткнул его в розетку возле кровати. Время от времени тайком его проверяю), у меня накопилась куча сообщений на «Фейсбуке». Но просматривать их неохота.

Чувство такое, будто что-то изменилось. Кажется, что я очнулась иностранкой или очутилась в чужой стране, где никто не понимает моего языка: ни мама, ни папа, ни друзья. Мой язык – язык сумбурных дней, полных отрывочных, непонятных событий. Язык непрекращающейся боли. Двигаться так тяжело, что даже рукой пошевелить – непосильная задача. От одной мысли об этом устаешь. Страна больных совсем не похожа на страну здоровых. Здесь тебя кормят, переворачивают, разговаривают с тобой, как с ребенком, и тебе всегда, всегда жарко.

В моих лихорадочных снах школа присутствует часто. Я терпеть ее не могла. Мама всегда говорила, что ей учеба давалась тяжело, а значит, и я на ниве знаний успехов не достигну. Это и решило вопрос. Хотя, оглядываясь назад, понимаю: звучит по-идиотски. Поэтому, когда в галлюцинациях передо мной являлись лица учителей, я долго не воспринимала эти видения всерьез. Но потом однажды проснулась очень рано – в больнице еще царила приятная прохлада и тишина. Вернее, относительная тишина, полного покоя в больницах не бывает никогда.

Я осторожно повернула голову – и вот передо мной сидит миссис Шоукорт, моя старая учительница французского, и невозмутимо глядит на меня. И это не сон, и не галлюцинация.

На всякий случай я моргнула: вдруг исчезнет? Нет, бесполезно.

Я лежу в маленькой узкой палате на четыре места. Странно: если у меня инфекция, значит я заразная, а заразных положено изолировать. Остальные кровати пустуют, но за время моего пребывания в больнице здесь побывало много старушек, быстро сменявших друг друга. Они лежали тихо, только иногда плакали.

– Здравствуйте, – проговорила миссис Шоукорт. – Кажется, мы с вами знакомы.

Я залилась виноватым румянцем, будто уроки не сделала. Впрочем, уроки я не делала никогда. Мы с Кейт постоянно прогуливали – да кому он нужен, этот французский? Сбегали, сидели на заднем дворе – из школьных окон он не просматривался – и с фальшивым манчестерским акцентом обсуждали, какая дыра Кидинсборо и как мы уедем отсюда при первой же возможности.

– Анна Трент, верно?

Я кивнула.

– Я вела у вас уроки два года.

Я пригляделась к старушке повнимательнее. Из ряда других учителей миссис Шоукорт выделялась тем, что одевалась лучше всех: большинство остальных выглядели как бродяги. А миссис Шоукорт носила красивые платья по фигуре. Ее элегантность мгновенно бросалась в глаза. Сразу видно, что не в «Маталане» покупала. А еще тогда у нее были светлые волосы...

Тут я вздрогнула от потрясения – только сейчас заметила, что волос у миссис Шоукорт вообще не осталось. А еще она совсем исхудала. Конечно, миссис Шоукорт всегда была миниатюрной, но не до такой же степени!

Я задала самый тупой вопрос из всех возможных – оправданием мне служило только ужасное самочувствие:

– Тоже болеете, да?

– Нет, – ответила миссис Шоукорт. – Просто отдыхаю.

Повисла пауза. Я улыбнулась. Только сейчас вспомнила: а ведь миссис Шоукорт была хорошей учительницей.

– Жаль, что так получилось с вашей ногой, – смущенно произнесла миссис Шоукорт.

Я поглядела на забинтованную левую ступню.

– Ничего страшного. Просто неудачно упала, и все.

А потом я увидела ее лицо и поняла: все это время люди говорили про мою лихорадку, болезнь, несчастный случай, но никто не удосужился рассказать мне всю правду.

Нет, не может быть! Я ведь их чувствую.

Потрясенно я уставилась на миссис Шоукорт. Та, не мигая, смотрела на меня в ответ.

– Я ведь их чувствую, – промямлила я.

– Как же вам не сказали? Уму непостижимо! – покачала головой миссис Шоукорт. – Чертовы больницы!

Я опять поглядела на забинтованную ногу. Меня сразу замутило, а потом стошнило в специальную картонную коробку – возле кровати их оставлен целый набор.

Чуть позже пришел доктор Эд и опустился на край кровати. Я едва не испепелила его взглядом. Доктор заглянул в свои записи и произнес:

– Простите, Анна. Мы думали, вы осознаете всю серьезность ситуации.

– Осознаешь тут, когда все только бормочут про «несчастный случай» и «неприятные последствия», – сердито бросила я. – Как я должна была догадаться, что у меня теперь нет пальцев? И вообще, я их чувствую. Болят так, что еле терплю.

– К сожалению, так часто бывает. – Доктор Эд кивнул.

– Почему мне никто не сказал? Только мололи чушь про лихорадку и мелких насекомых.

– В подобных случаях инфекция опаснее всего. Сама по себе утрата пары пальцев на ноге вашей жизни вряд ли угрожает, но заражение...

– Приятно слышать. И это не какая-то «пара пальцев»! Это мои пальцы!

Пока мы разговаривали, медсестра осторожно разматывала бинты на моей ступне. Я нервно сглотнула. Только бы еще раз не вырвало.

Вы в школе играли в такую игру: ложишься на живот, закрываешь глаза, а кто-нибудь поднимает твои руки высоко над головой и потом очень медленно опускает? При этом складывается полное ощущение, будто засовываешь руки в дыру.

Вот и сейчас я ощутила нечто похожее. Мой мозг никак не мог осмыслить то, что видели глаза. То, что я знаю, – одно дело, а то, что чувствую, – совсем другое. Пальцы ног у меня на месте. Все до единого. Но перед глазами странный, идущий сверху вниз срез: выглядит так, будто два крошечных пальчика снесли одним махом – просто чиркнули остро наточенной бритвой, и все.

– Вообще-то, вам крупно повезло, – рассуждает между тем доктор Эд. – Лишишь вы большого пальца или мизинца, очень трудно было бы держать равновесие...

Я уставилась на доктора так, будто у него рога выросли.

– Повезло? – возмутилась я. – Хорошенькое везение!

– А я бы с вами местами поменялась, – донесся голос из-за соседней ширмы.

Там миссис Шоукорт ожидала следующего сеанса химиотерапии.

Вдруг мы обе ни с того ни с сего расхохотались.

Прошло три недели, а я все валяюсь в больнице.

Многие друзья приходили меня навестить. Рассказывали, что про меня написали в газете, и спрашивали, можно ли взглянуть на мою ногу. Нет, нельзя: даже я сама стараюсь на нее не смотреть, когда меняют повязки.

Друзья делились со мной свежими местными новостями, но я вдруг утратила к ним интерес. Единственный человек, с которым я могу нормально разговаривать, – миссис Шоукорт. Вот только она велела обращаться к ней «Клэр», к чему я привыкала долго и трудно. Называя старую учительницу просто по имени, чувствовала себя более взрослой – даже слишком взрослой. У миссис Шоукорт два сына, они ее навещают, но всегда спешат, зато ее невестки – приятнейшие женщины. Всегда оставляют мне журналы со сплетнями про звезд: Клэр все эти глупости не интересуют. Как-то раз невестки привели двух маленьких девочек. Обеих напукали и проводки, и больничный запах, и писк приборов. Ни до, ни после я не видела Клэр такой грустной.

А в свободное время мы говорим. Вернее, говорю в основном я. По большей части жалуюсь на скуку и сетую, что никогда не смогу нормально ходить. Удивительное дело – раньше на пальцы ног не обращала внимания. Ну, разве что когда делала педикюр, но даже тогда не особо о них задумывалась. А теперь выяснилось, что эти, казалось бы, незначительные части тела играют до обидного важную роль во всем, что касается передвижения. Но еще больше мне стыдно, когда приходится посещать тот же физиотерапевтический кабинет, что и люди с

ужасными, по-настоящему серьезными травмами. Эти бедняги сидят в инвалидных креслах, а я, как наглая самозванка, марширую туда-сюда, держась за параллельные брусья! Мое ранение для них в лучшем случае повод для шуток. Так что жаловаться я не имею права. Но жалуюсь, и еще как.

Клэр меня понимает. С ней легко и просто. Иногда, когда она чувствует себя особенно плохо, читаю ей вслух. Но большинство ее книг на французском.

– Нет, французские книги мне не по зубам, – однажды заявила я.

– А должны быть по зубам, – заметила Клэр. – Тебя ведь учила я.

– Ну да, – пробормотала я.

– Ты была способной ученицей, – продолжила Клэр. – Помнится, подавала большие надежды.

Вдруг перед глазами у меня встал табель успеваемости за первый год средней школы. Среди многочисленных замечаний вроде «несерьезно относится к учебе» и «способная, но ленивая» скрывалась хорошая оценка по французскому. Ну почему я была такая ленивая и несерьезно относилась к учебе?

– Мне учеба казалась глупостью, – проговорила я.

Клэр только головой покачала:

– Я же разговаривала с твоими родителями. Очень милые люди. Ты девочка из хорошей семьи.

– Попробовали бы вы с ними пожить, – буркнула я.

И сразу почувствовала себя виноватой: зачем я, спрашивается, говорю гадости про папу с мамой? Они меня навещают каждый день, ни одного не пропускают. И это несмотря на бешеные деньги за парковку: папа все время по этому поводу жалуется.

– Ты до сих пор живешь с родителями? – удивилась Клэр. – Не совсем. – Я сразу заняла оборонительную позицию. – Просто некоторое время жила с мужчиной, но оказалось, что он полный козел, вот и переехала обратно домой, только и всего.

– Понимаю, – произнесла Клэр и глянула на часы.

Половина десятого утра. Мы проснулись три часа назад, а обед только в двенадцать.

– Если хочешь... – начала Клэр. – Я ведь тоже от скуки маюсь. Если подтяну твой французский, сможешь читать мне вслух. Ну а я больше не буду чувствовать себя никчемным, старым, больным, лысым овощем, которому только и остается, что о прошлом вздыхать. Что скажешь?

Я опустила взгляд на свой журнал и уставилась на огромную фотографию с задницей Ким Кардашьян. А еще у этой паршивки на ногах десять пальцев.

– Ладно, договорились, – ответила я.

1972 год

– Пустяки! – Мужчина повысил голос, стараясь перекрыть мощные порывы морского ветра, сигналы паромов и грохот поездов. – Это не расстояние! Подумаешь, большое дело – Ла-Манш переплыть!

Но по щекам девушки градом катились слезы.

– Я бы переплыла, – с трудом выговорила она. – Ради тебя.

– Нет, – покачал головой мужчина. – Ты вернешься и закончишь школу. Тебя ждут великие дела и много-много счастья.

– Не нужно мне все это, – простонала девушка. – Хочу остаться здесь, с тобой.

Мужчина вздохнул и попытался унять поток слез поцелуями. Слезы капали на новенькую, неестественно блестящую форму.

– Буду маршировать по приказу взад-вперед, будто цирковая лошадь. Останется только думать о тебе. Тише, *bout de chou*². Не плачь. Вот увидишь, мы снова будем вместе.

– Я люблю тебя, – пылко произнесла девушка. – Ты моя единственная любовь. На всю жизнь.

– Я тоже тебя люблю, – ответил мужчина. – Ты мне очень дорога, я люблю тебя, и мы обязательно встретимся снова. Буду тебе писать, ты закончишь школу, и все будет хорошо, вот увидишь.

Рыдания девушки стихли.

– Я не выдержу, – с трудом произнесла она.

– Ах, любовь моя, – вздохнул мужчина. – Ничего не поделаешь – придется.

Он зарылся лицом в ее волосы.

– *Alors*³, любовь моя, возвращайся поскорее.

– Конечно, – ответила девушка. – Я вернусь.

² Малышка (*фр.*). (Здесь и далее примечания переводчика.)

³ Здесь: ну что ж (*фр.*).

Глава 2

Два моих брата перестали навещать меня, как только стало ясно, что я не отброшу коньки. Я их люблю, но понимаю: когда тебе двадцать или двадцать два, есть куча занятий поприятнее, чем торчать в больнице около стремной старшей сестры, с которой произошел стремный несчастный случай. Ну а Кейт... Спасибо ей огромное, она замечательная подруга. Не знаю, что бы без нее делала. Но смены в салоне красоты ужасно длинные, вдобавок оттуда до больницы сорок пять минут на автобусе. Поэтому часто Кейт приходит не может. Тем радостней, когда она все-таки появляется. Кейт с удовольствием рассказывает, кто из клиенток заработал почетное звание «Самая уродская прическа недели».

Кейт, естественно, уговаривает их попробовать что-нибудь новенькое, но тех переубедить бесполезно: мечтают о прическе, как у Шерил Коул или какой-нибудь звезды реалити-шоу «TOWIE», и все тут. И это с короткими, тонкими, жирными двумя волосинами темного цвета, которые не выдерживают наращивания. А через неделю клиентка возвращается с криками и рыданиями и угрожает подать в суд, потому что даже имеющиеся две волосины у нее выпали.

– Говорю-говорю, а им хоть бы что, – жалуется Кейт. – Никто меня не слушает.

Подруга заставила меня встать перед зеркалом в туалете и повторять, что все у меня будет просто отлично. Но отражение мое больше напоминало персонаж фильма ужасов.

Из-за антибиотиков глаза в красных прожилках, вдобавок белки пожелтели. Выющиеся волосы – благодаря Кейт я обычно яркая блондинка, но в больнице корни безнадежно отросли – торчат в разные стороны. Видок как у буйной. Кожа примерно того же цвета, что и больничная каша, да и на ощупь не лучше.

Кейт пытается меня подбодрить: такой уж она человек. Нечто подобное она говорит своим шестидесятилетним клиенткам с избыточным весом, когда те просят превратить их в Колин Руни. Но мы обе понимаем, что все эти комплименты никакого отношения к действительности не имеют.

Так что в основном я общаюсь с Клэр. Что и говорить, при необычных обстоятельствах сложилась наша дружба. Вряд ли мы бы так сблизились в другой ситуации.

Неожиданно для себя я осознала, что в глубине души даже рада нашему расставанию с Дарром. Он, конечно, парень приятный, но поговорить с ним особо не о чем. Навещай он меня каждый день, понятия не имею, как бы мы выкручивались. На таких увлекательных темах, как чипсы и футбольный клуб «Манчестер Сити», далеко не уедешь. Физическая сторона отношений в нашем случае отпадает. У меня трубка воткнута в руку и еще одна – в мочеиспускательный канал (извиняюсь за подробности). Но даже если бы не это, с восемью пальцами на двух ногах я чувствую себя удручающе непривлекательной. Даже не знаю, на чем бы сейчас строились наши отношения. Несчастный случай заставил меня взглянуть на ситуацию с новой стороны. Когда мы расстались, я была совершенно уничтожена. Дарр пытался мне изменить, а в таком маленьком городке, как Кидинсборо, секреты хранить трудно. В свое оправдание Дарр заявил, что ни одна из попыток успехом не увенчалась, однако это ему не помогло. Но теперь единственное, по чему я скучаю, – маленькая квартирka, которую мы вместе снимали.

Однако Дарр передал через моего брата Джо коробку шоколадных конфет (Джо двадцать, поэтому он их сразу слопал) и отправил эсэмэску – спрашивал, как я. Наверное, если бы я захотела, Дарр принял бы меня обратно даже с недостатком пальцев на ногах. Ходят слухи, что его попытки с кем-то познакомиться в статусе свободного мужчины так же неуспешны, как и при мне. Хотя, может быть, Кейт просто меня утешает.

Без Клэр я озверела бы от скуки. Полгода назад я выбрала самый дешевый смартфон, за что теперь себя ругаю. На моем телефоне можно разве что поиграть в «змейку». Читаю много книг, но одно дело улечься в ванну после долгого, утомительного рабочего дня и насладиться

парой страниц за чашкой чая, пусть даже твой двадцатилетний брат при этом молотит в дверь и орет, что ему просто необходим гель для волос, и совсем другое – читать, потому что больше заняться нечем.

К тому же мне прописали столько лекарств, что из-за них трудно сосредоточиться. В дальнем углу палаты с утра до вечера вопит телевизор, но он всегда включен на один и тот же канал. Так надоело слушать, как толстяки орут друг на друга, что затыкаю уши наушниками. Визитерам всегда рада, вот только поделиться мне с ними особо нечем. Разве что рассказать, сколько жидкости выходит из моей раны или еще что-нибудь такое же «приятное». Поэтому собеседница из меня так себе.

С медсестрами весело, но они вечно спешат, а у врачей все время усталый вид, да и пациенты их не особо интересуют. Единственное, что им интересно, – это моя нога, но будь она даже присоединена к кошке, они бы этого не заметили. На все, что выше щиколотки, внимания не обращают. А остальные пациентки в отделении очень старые. То есть совсем древние. Настолько, что задают вопросы типа: «Где я? Это из-за войны, да?» Жалею и старушек, и их взволнованных, усталых родственников. Бедняги приходят каждый день и слышат только одно – «состояние без изменений». Со стариками не поболтаешь. Раньше я не задумывалась о том, что молодые люди редко попадают в отделение интенсивной терапии. А если и оказываются на операционном столе, то у пластического хирурга. Ну, или расхлебывают последствия бурной ночи, которая оказалась даже слишком веселой. А в нашем отделении лежат в основном пожилые пациенты, которые чем только не страдают, и больше им идти некуда.

Поэтому уроки с Клэр стали для меня просто спасением. Мы с ней спокойно сидим и размеренно спрягаем глаголы «avoir»⁴ и «être»⁵, усваиваем разницу между прошедшим простым и прошедшим продолженным и стараемся сделать мое французское «р» идеальным. «Над произношением надо работать как следует, – снова и снова повторяет Клэр. – Стань француженкой. Обзаведись самым французским из всех французских акцентов. Изображай инспектора Клюзо, размахивай руками, как мельница». – «Чувствую себя полной дурой», – пробормотала я. «Это нормально, – подтвердила Клэр. – Так и будешь себя чувствовать, но потом заговоришь с французом – и он тебя поймет».

Продираемся через детские книги, осваиваем учебные карточки, отвечаем на вопросы тестов. Приятно, что Клэр тоже получает от наших занятий удовольствие: гораздо больше, чем от коротких неловких разговоров с сыновьями. Оказалось, она уже давно разведена.

Наконец после многочисленных подготовительных этапов – так же музыкант настраивает инструмент перед игрой – мы попробовали говорить по-французски, с большим трудом и многочисленными запинками.

Слушать оказалось проще, чем разговаривать, но Клэр обладает безграничными запасами терпения. А поправляет она меня так мягко, что я ругаю себя: какой же надо быть идиоткой, чтобы хлопать ушами на уроках такой замечательной учительницы. Сколько я упустила!

– Вы жили во Франции – *est-ce que tu habitait en France?* – с трудом составила я вопрос одним дождливым весенним утром.

Зеленые почки на деревьях, казалось, наслаждались дождем, но больше никого он не радовал. В больнице температура всегда одинаковая. Такое чувство, будто ты в герметичной кабине и отрезана от всего мира.

– Давно, – ответила Клэр, почему-то избегая смотреть мне в глаза. – Совсем недолго.

1971–1972 годы

Клэр понимала, что это самая глупая форма подросткового бунта. Впрочем, ее даже бунтом назвать – преувеличение. И все же... Утро, завтрак. Клэр сидела за столом, мрачно уста-

⁴ Иметь (фр.).

⁵ Быть (фр.).

вившись в миску с хлопьями «Ready Brek». Клэр уже семнадцать, она слишком взрослая, чтобы завтракать хлопьями. Лучше просто попила бы кофе, но спорить – себе дороже. Тем более что есть гораздо более весомый повод для конфликта.

– Нет, в мою церковь ты в этом ужасе не пойдешь.

«Этот ужас» – новые брюки клеш, на которые Клэр долго копила. Все рождественские каникулы подрабатывала в магазине «Chelsea Girl». Папе было очень тяжело примириться с тем, что, хотя дочь готова честно трудиться (что он горячо одобрял), на первую работу она устроилась в гнездо разврата, где торгуют тряпками для шлюх. Видно, мама уговорила его во время очередной беседы наедине. Обычное дело. Мама никогда, ни за что не стала бы спорить с преподобным Маркусом Форестом на публике. На такой подвиг редко у кого хватило бы смелости.

Клэр глянула на свои обтянутые денимом ноги. Всю жизнь она проходила в старушечьих нарядах. Папа считал, что следовать моде – самый верный способ уготовить себе вечные муки в аду. Вместо современных вещичек мама шила ей передники, длинные школьные юбки, а для воскресений – широкие в сборку.

Но с тех пор как Клэр устроилась на работу, у нее будто глаза открылись. Начав зарабатывать на жизнь, она почувствовала себя более взрослой. Остальным продавщицам в магазине лет двадцать, а некоторым даже больше, и они много повидали на своем веку. Обсуждали ночные клубы, парней и косметику (в доме Клэр все это было строжайше запрещено). Правила, по которым жила она, заставляли коллег покатываться со смеху (все знали нрав преподобного).

Старшие многоопытные девицы взяли Клэр под свое крыло: наряжали по последней моде, умилялись ее худенькой фигурке и некрашеным светлым волосам, хотя Клэр казалось, что этот оттенок ее ужасно бледнит. Впрочем, зеркала в доме практически отсутствовали, и проверить, действительно ли это так, было затруднительно. Ни один мальчик в школе не звал ее на свидание. Клэр твердила себе, что они боятся ее папу. Но в глубине души опасалась, что причина в ней самой: Клэр слишком тихая, слишком неинтересная. Из-за блеклых волос и едва заметных бровей она порой казалась себе невидимкой.

Чем дальше, тем смелее становилась Клэр. Однажды в выходные дело закончилось плохо. Папа готовил рождественскую проповедь, и тут Клэр вернулась из магазина с ярко накрашенными глазами. Очень драматичная изумрудно-зеленая подводка с блестками, коричневые тени на всю глазницу, а хуже всего то, что Клэр нарисовала брови темно-коричневым карандашом, одолженным у коллеги. Клэр не могла оторвать взгляд от загадочной незнакомки в зеркале. Теперь ее уж точно никто не назовет бледной и бесцветной. Клэр больше не казалась тощей и изможденной. Она превратилась в стройную и гламурную особу. Кэсси убрала блеклые волосы с ее лица и заколола надо лбом ребячливую челку. Клэр сразу стала выглядеть старше. Все девушки смеялись и звали ее с собой в клуб в субботу. Но Клэр никаких иллюзий на этот счет не питала.

Разгневанный папа поднялся из-за стола.

– Смой немедленно, – коротко приказал он. – Под своей крышей этих гадостей не потерплю.

Он не скандалил, не кричал. Не в папиных правилах устраивать сцены. Просто сказал, как все будет, и этого хватило. Для Клэр воля отца и воля Божья – а она росла религиозной девочкой – были одним и тем же. Надо слушаться, и точка.

Мама последовала за Клэр в ванную с грязно-зелеными стенами и обняла дочку.

– Тебе очень идет, – утешала она, пока Клэр яростно терла лицо коричневой мочалкой.

– Потерпи годик-другой, – прибавила мама. – Поступишь в секретарскую школу или на учительские курсы, и делай что хочешь. Всего-то чуть-чуть осталось, милая.

Но Клэр годик-другой казались вечностью.

Остальные девчонки уже сейчас наряжаются, ходят на вечеринки и встречаются с парнями, разъезжающими на старых разваливающихся отцовских машинах или мотоциклах! Впрочем, последних Клэр побаивалась.

– Эта твоя работа... Думала, тебе она пойдет на пользу, но... – Мама покачала головой. – Ты же знаешь нашего папу. Ему очень тяжело. Я хотела, чтобы ты стала независимой – ну хоть немного...

Когда Клэр легла спать, слышала, как родители шептались внизу. По интонациям догадалась, что разговор о ней. Иногда трудно быть единственным ребенком в семье. Отец почему-то думал, будто дочка спит и видит, как бы при первой удобной возможности вляпаться в серьезные неприятности. Клэр такое недоверие просто бесило. Мама старалась как могла, но когда преподобный в очередной раз погружался в обиженное мрачное молчание, из этого состояния он не выходил по нескольку дней подряд. Атмосфера в доме царила тягостная. Преподобный привык, что две его близкие женщины подчинялись ему во всем, не задавая лишних вопросов. Но Клэр больше всего на свете жаждала свободы.

На работу она не ходила с начала января. В магазине ей предлагали подрабатывать по субботам, и Клэр с радостью согласилась бы, но представила, что начнется дома, и решила, что дело того не стоит. Клэр продолжала прилежно учиться, хоть и понимала, что в университет не поступит. Маркус не одобрял высшее образование для женщин, к тому же не хотел, чтобы дочь уезжала далеко от дома, в Йорк или Ливерпуль. Время от времени, когда папа с мамой уже спали, Клэр засиживалась до глубокой ночи: смотрела фильмы по BBC2 и боялась: неужели она так и будет всю жизнь тухнуть в Кидинсборо, вместе со стареющими родителями?

Через два месяца, в начале марта, мама спустилась к завтраку – выражение лица лукавое, в руке конверт авиапочты. Конверт из бледно-голубой бумаги, с красными и синими полосками по краям. Подписан необычным почерком: красивым, с завитушками.

– Дело решено, – объявила мама.

Преподобный оторвался от половинки грейпфрута.

– Какое еще дело? – проворчал он.

– Клэр приглашают на лето во Францию по программе au pair⁶.

Клэр даже слова такого не слышала.

– Будешь няней у моей подруги по переписке, – пояснила мама.

– У француженки? – уточнил Маркус, складывая газету «Дэйли телеграф». – А я думал, вы с ней ни разу не встречались.

– Да, не встречались, – холодно подтвердила Эллен.

Клэр перевела взгляд с мамы на папу. Она обо всем этом в первый раз слышала.

– Кто она вообще такая?

– Ее зовут Мари-Ноэль, и мы переписываемся со школы.

Клэр вдруг вспомнила рождественские открытки с надписью «Meilleurs Voeux»⁷, каждый год исправно приходящие по почте.

– До сих пор поддерживаем связь – хотя теперь, конечно, пишем друг другу редко. У Мари-Ноэль двое детей. Я спросила, не возьмет ли она тебя на лето, – и она согласилась! Будешь присматривать за детьми. Больше ничего делать не надо, Мари-Ноэль пишет, у них домработница... Ничего себе!

Мама помрачнела.

– Надеюсь, они не слишком большие шишки, – прибавила мама, окинув взглядом уютный, но очень просто обставленный домик викария.

⁶ Программа, по которой молодых людей отправляют в другую страну, где они живут в доме принявшей их семьи и выполняют определенную работу, чаще всего связанную с уходом за детьми, а взамен получают питание, комнату для проживания, карманные деньги на расходы и возможность изучать язык данной страны на курсах, а также познакомиться с ее культурой.

⁷ Наилучшие пожелания (фр.).

На доходы служителя церкви не разгуляешься, и Клэр с раннего детства приучилась не требовать постоянно новых вещей.

– Богатые они или нет, не важно, – заметил Маркус. – Главное, чтобы люди были приличные.

– Еще какие приличные! – повеселела Эллен. – У них маленький мальчик и девочка. Арно и Клодетт. Правда, красивые имена?

От волнения сердце Клэр забилося быстро-быстро.

– А где они живут?

– Ой, извини! Вот голова дырявая! Про самое главное забыла! – воскликнула Эллен. – В Париже, где же еще?

Глава 3

Компенсация от шоколадной фабрики представляла собой лишь жалкий символический жест доброй воли. Мою жизнь эти деньги не изменят. Да и вообще почти ничего не изменят: просто оплачу один раз счет по кредитке, и все. Наверное, надо было требовать большего. Все-таки я теперь сильно хромаю, и вдобавок мне грозила смертельная опасность. Но фабрика свалила всю вину на больницу, а в больнице заявили, что мне уже лучше, а значит, больше ничего они мне не должны. Я говорила доктору Эду, что, прояви медицинский персонал больше рвения, пришили бы мне пальцы ног обратно. Но доктор Эд только улыбнулся и погладил меня по руке – ни дать ни взять врач из сериала. Сказал: «Будут вопросы – не стесняйтесь, спрашивайте». Меня это заявление весьма озадачило. А то, что я сейчас задала, – это разве был не вопрос? Доктор Эд улыбнулся, подмигнул мне и пересел на край кровати Клэр.

Пора возвращаться домой. Как долго я мечтала о свободе! Но теперь вдруг осознала, что не хочу покидать больницу. Вернее, странно будет выйти из привычной рутины с приемом лекарств и пищи по расписанию и регулярными занятиями лечебной физкультурой. В больнице не надо ни о чем беспокоиться – только поправляйся, и все.

Теперь же придется снова вернуться в большой мир и искать новую работу. Среди условий выплаты компенсации значилось, что на фабрике «Брэйдерс» я больше работать не буду. Очевидно, владельцы опасались, что я притяну к себе еще один дикий несчастный случай из категории «один на миллион». Хотя, казалось бы, с точки зрения статистики скорее нечто подобное случится с кем-то другим, чем еще раз со мной.

А еще буду скучать по Клэр. Мы все чаще и чаще беседуем на французском, чем ужасно раздражаем остальных пациенток. Ну хоть что-то хорошее происходит в моей жизни: я способна чему-то научиться, приобрести новый навык. Зато все остальное – просто ночной кошмар. Вакансий во всем городе нет: это я знаю точно. Кейт предлагала устроиться подметальщицей в салон красоты, где она работает, но платят за это сущие гроши. Вдобавок я еще не научилась наклоняться, не заваливаясь при этом вперед. Но есть и положительный момент: я похудела на шесть килограммов. Отрицательный момент: это единственный положительный момент. Никому не посоветую этот способ сбрасывать вес.

Я поделилась тревогами с Клэр. Та притихла, погрузившись в размышления.

– Я тут подумала... – начала моя учительница.

– О чем?

– У меня в Париже есть один... знакомый. Как раз занимается шоколадом. Только давно с ним не общаюсь. Понятия не имею, до сих пор он в этой сфере или нет.

– Знакомый? – оживилась я. – Юношеский роман?

На ввалившихся щеках Клэр проступил слабый румянец.

– Не твое дело.

– Любовь до гроба, дураки оба?

Мы уже стали достаточно хорошими подругами, чтобы я могла ее поддразнивать. Но все же порой во взгляде Клэр мелькает стальной проблеск учительской строгости, и это как раз такой случай.

– На письма он отвечает не очень аккуратно, – задумчиво проговорила Клэр, глядя в окно. – И все же я попытаюсь. Когда Рик придет навестить, попрошу, чтобы отправил ему имейл, или как там называются эти новомодные штуки? В наши дни в Интернете можно отыскать кого угодно, верно?

– Это уж точно, – согласилась я. – Но если у вас в Париже друзья, почему вы так давно туда не ездили?

– Мне и здесь дел хватало. – Клэр поджала губы. – Заботилась о семье, работала. Не могла же я взять и запрыгнуть в самолет – просто так, под настроение.

– Хм, – подозрительным тоном протянула я.

Интересно, почему Клэр так остро реагирует?

– Я не могла, зато ты можешь, – заметила Клэр. – Перед тобой все пути открыты.

– Скажете тоже! – Я рассмеялась. – Ну конечно – куда захочу, туда и доковыляю!

Эмоциональной лавиной меня накрыло, только когда я вернулась домой к маме с папой. В больнице я была... как бы это сказать?... на особом положении, что ли? Мне приносили цветы и подарки, я постоянно находилась в центре внимания. Мне давали лекарства, спрашивали, как я себя чувствую. Конечно, ничего хорошего в подобных знаках внимания нет, и все же меня окружили заботой.

Ну а дом – это же просто дом. Мальчишки притаскиваются глубоко за полночь и ворчат, что им снова приходится спать в одной комнате. Мама нервно предрекает, что на новую работу мне нипочем не устроиться, и тревожится, что скоро сократят пособия по инвалидности. Тут мы обе как по команде глядим на мои костыли, и мама тяжело вздыхает. Смотрю на свое отражение: бледно-голубые усталые глаза, светлые волосы без мелирования от Кейт кажутся совсем бесцветными. Я похудела, но от недостатка движения выгляжу как тощий мешок. Любила краситься перед выходом в свет, но в последний раз куда-то выбиралась так давно, что позабыла, как накладывать макияж. Из-за лекарств кожа сухая.

Вот тогда меня по-настоящему накрыла грусть. Ночами плачу в своей маленькой детской кроватке, из-за чего встаю все позже и позже. Упражнения делаю вяло, через силу, а истории подруг про новых бойфрендов, ссоры с ними и все такое прочее меня сейчас совершенно не интересуют. Знаю: родители за меня беспокоятся, но что я могу поделать? Нога медленно, но верно заживает, и все же постоянно чувствую утраченные пальцы. То чешутся, то болят, то их дергает. По ночам лежу без сна, уставившись в потолок, и под знакомые с детства шумы бойлера думаю: ну и что теперь?

1972 год

Мама хотела ехать с ней – погулять с дочкой по Лондону, повеселиться. Но преподобный так разворчался, что от этой идеи пришлось отказаться. Очевидно, Маркус считал, что при всем своем блеске Париж в смысле порочности в подметки не годится гнезду разврата под названием Лондон. Похоже, папа так и не осознал, что на дворе уже 1972 год. И маме, и мадам Лагард, с которой он общался по телефону, неоднократно приходилось уверять, что Клэр будет жить в чрезвычайно консервативной и строгой семье. Ничем легкомысленным Клэр заниматься не будет – только присматривать за детьми и учить иностранный язык. Знание французского для юной леди – навык весьма изящный и от всей души одобряемый преподобным. Составлялись нескончаемые списки. Клэр так запугали постоянными напоминаниями о хороших манерах, что она уже заранее испытывала ужас перед мадам Лагард. Клэр воображала хозяйку высокомерной, избалованной богатством и невыносимо требовательной. Вдобавок Клэр не представляла, как справиться с детьми, с которыми даже поговорить толком не сможет. Все эти тревоги одолевали Клэр, пока папа вез ее на вокзал. Небо заволакивали угрожающе темневшие тучи.

В последний день перед каникулами к ней пристала Рэйни Коллендер, известная в школе как любительница поиздеваться над слабыми.

– И так лучше всех себя считаешь, а после Парижа совсем зазнаешься, – фыркнула она.

Клэр повела себя так же, как и всегда в подобных ситуациях. Опустила голову и, не обращая внимания на хохочущих подружек Рэйни, торопливо зашагала прочь. Только бы поскорее

скрыться из вида! Но от этих так просто не отвяжешься. «Скорее бы каникулы!» – думала Клэр. Уж лучше нянчить двух маленьких избалованных французов, чем торчать в Кидинсборо.

Когда поезд выехал из Крю, Клэр открыла свой контейнер для сэндвичей «Tupperware». От волнения девочка сидела как на иголках. Подумать только – она уехала из Кидинсборо! Отправилась в путешествие, да еще и одна! Наверняка в Париже ее ждет что-то необыкновенное, от чего вся ее жизнь изменится.

В контейнере лежала записка от мамы.

«Повеселись как следует!» – писала она. Не «веди себя хорошо», не «будь аккуратной» и даже не «по вечерам сиди дома». Только «Повеселись как следует!», и больше ничего.

Для семнадцати лет Клэр была довольно наивна. Ей в голову не приходило, что ее мама – не только мама, но и человек. Для Клэр она была просто той, кто всегда рядом: готовит, стирает, соглашается с папой, когда он в очередной раз ругает патлатых юнцов-хиппи: эта зараза докатилась даже до Кидинсборо! Клэр очень удивилась бы, скажи кто-то, что мама ей завидует.

Перед посадкой на паром Клэр с трудом сдерживала нервозность. Она понятия не имела, как полагается вести себя на борту. Да что там – Клэр в жизни не видела таких огромных кораблей. Плавала только на катамаране в Скарборо. От парома веяло романтикой дальних странствий. Огромное белое судно, запах дизельного топлива, гудок, раздавшийся, когда паром неспешно отчалил от просторного портового терминала в Довере. А пассажиры! Были здесь и любители приключений на автомобилях с кузовами, в которых лежали палатки и спальные мешки, и даже самые настоящие французы на «Ситроене-2CV». Клэр пообедала обыкновенными сэндвичами с мясной пастой, французы же устраивали настоящие пикники с бутылками вина, бокалами и хлебными палочками. Клэр вертела головой то туда, то сюда, стараясь ничего не пропустить. Потом вышла на нос парома. День выдался ветреный, по небу несло белые облака. Клэр с любопытством оглянулась на удалявшуюся Англию – в первый раз она отправилась за границу! – потом посмотрела вперед, в сторону Франции. В этот момент Клэр показалось, что раньше она толком и не жила: вот она, настоящая жизнь!

Клэр оставила у меня на телефоне голосовое сообщение: «Приходи, попьем кофе». Ее временно отпустили из больницы. Голос звучал нервно и робко. Я перезвонила: ну хоть что-то я могу сделать без посторонней помощи! Договорились встретиться в уютном кафе в книжном магазине: я решила, так будет удобнее для Клэр.

Привезла ее невестка, милая женщина по имени Пэтси. Перед тем как уехать, она взяла с Клэр обещание не скупать все книги в магазине. Потом Клэр выразительно закатила глаза и призналась, что любит Пэтси, но почему-то все вокруг общаются с больными будто с четырехлетками. Потом Клэр сообразила, что мне об этом известно не понаслышке. Мы от души повеселились, передразнивая доктора Эда с его привычкой сидеть на кроватях пациентов и всячески демонстрировать сопереживание.

Потом повисла пауза. Будь это обычный разговор, кто-нибудь обязательно сказал бы что-то вроде: «Отлично выглядишь», или «Подстриглась?», или «Ты прямо расцвела!» (впрочем, последняя фраза, как всем известно, означает: «Ну ты и растолстела!»). Но у нас обеих слова не шли с языка.

В больнице, укрытая накрахмаленной белой простыней и одетая в безупречно чистую пижаму, Клэр выглядела неважно, но там она хотя бы не выделялась. А здесь, на людях, смотреть на нее было страшно. Такая исхудавшая, что, кажется, вот-вот переломится. На голове изящно повязанный платок, означающий только одно: «Я так давно болею раком, что по части платков стала виртуозом». Нарядное платье смотрелось бы красиво, не виси оно на ней мешком. Клэр выглядит... Да, больной.

Я встала и отправилась за кофе и шоколадными кексами, хоть Клэр и предупредила, что есть не будет. Я ответила, что в этом кафе подают такую вкусную домашнюю выпечку, что даже у нее аппетит разгуляется. Клэр слабо улыбнулась и сказала, что с удовольствием попробует их стряпню. Кого она надеялась обмануть? Ковыляя к стойке, я чувствовала на себе ее взгляд. Обращаться с тростью я так толком и не научилась, поэтому решила вовсе от нее избавиться. Кейт все уговаривала меня выбраться в клуб. Говорила, ребятам не терпится узнать подробности случившегося из первых уст. Но меня передергивало от одной мысли. И все-таки мне не помешало бы привести в порядок волосы и обновить гардероб. Сегодня я натянула самые поношенные из своих джинсов и топ в полоску. Сразу видно: это первое, что попало на глаза.

– Ну? – произнесла Клэр, когда я вернулась.

К счастью, женщина за стойкой согласилась принести нам поднос.

Мы с Клэр переглянулись.

– Баранки гну, – неловко пошутила я.

Клэр улыбнулась.

Но женщина с подносом не улыбалась. Должно быть, боялась, что Клэр сейчас вырвет, а я растянусь на полу и мы испортим всю приятную атмосферу в кафе. Зато шоколадные кексы оказались просто чудесными. Ради такого угощения стоит вынести сколько угодно любопытных взглядов.

Вдруг Клэр слегка покраснела и с заметным волнением сообщила:

– Мне пришло письмо.

– Настоящее? – заинтересовалась я. – На бумаге?

Мне писем не шлют. Я получаю только сообщения в мессенджерах от Кейт, да и те про очередного парня, на которого подруга положила глаз.

– Точнее, открытка. – Клэр кивнула. – Впрочем, не важно. Главное, что ему требуется новая сотрудница. Насчет жилья он договорится.

Новость застигла меня врасплох.

– Что примолкла?

– Не ожидала, что вы возьметесь за дело всерьез. Не хотела вас утруждать.

Я была и удивлена, и растрогана.

– Всего-то написала два письма, – отмахнулась Клэр. – Если это, по-твоему, тяжелый труд, то зря я тебя расхваливала как замечательную работницу.

– Ну вы даете! – только и смогла выговорить я.

– Приятно было с ним пообщаться после такой долгой разлуки. – Клэр улыбнулась.

– Нет, у вас точно был роман! – оживилась я.

– Нет, это точно дело прошлое, – сухо парировала Клэр.

Опять этот строгий учительский тон!

– А сами не хотите съездить в Париж?

– И речи быть не может, – резко ответила Клэр. – Для меня эта история – давно пройденный этап. Как говорится, было и бывшем поросло. А сейчас мне и так проблем хватает. Но ты еще молода...

– Мне тридцать, – пронила я.

– Зеленая юность, – резко парировала Клэр. – Почти детство.

– А что у вашего знакомого за фабрика? – сменила тему я.

Сыновья Клэр ненамного старше меня, но оба семейные люди с успешными карьерами. Меня с ними лучше не сравнивать.

– Наверное, теперь там все по-другому, – с мечтательным видом произнесла Клэр, но быстро опомнилась и взяла себя в руки. – Вообще-то, ты не так поняла. Это не фабрика, а скорее мастерская. Называется «Le Chapeau Chocolat».

– «Шоколадная шляпа»? – переспросила я. – Интересное название. Там что, правда делают шляпы из шоколада?

Клэр не удостоила меня ответом.

– Будешь работать на общих основаниях, полный день. Я договорилась, чтобы тебе предоставили комнату. Район дорогой – просто невероятно дорогой! – так что это очень любезно с его стороны. Говорит, дополнительные рабочие руки будут нужны до октября. К тому времени в Великобритании уже будут вовсю готовиться к Рождеству. Уверена, по возвращении на работу устроишься без проблем.

– Разве во Франции Рождество не празднуют?

– Празднуют, – Клэр снисходительно улыбнулась, – но французы не так помешаны на нем, как мы. Соберутся всей семьей, поужинают устрицами, и все.

– Какой отстой, – проворчала я.

Неожиданно для себя я немножко рассердилась. Возникло ощущение, будто за меня все решили. А я ведь больная, надо мной нужно трястись и кудахтать!

– Нет, французское Рождество – это чудесно, – возразила Клэр. На ее худом лице снова появилось мечтательное выражение. – Дождь падает на мостовую, фонари над рекой светят сквозь туманную дымку, а ты сидишь, свернувшись клубочком у огня, и...

– Устриц лопаешь, – закончила я. – Фу!

Клэр сняла очки и потеряла воспаленные глаза.

– По-моему, предложение более чем достойное, – произнесла она с надеждой. – Особенно учитывая, что он с тобой не знаком.

– Как же я буду там общаться? – заволновалась я. – По-французски ни слова не разберу!

– Не говори глупостей. Ты делаешь большие успехи.

– Ничего удивительного! Я же только с вами разговариваю. А настоящие французы будут тархтеть на скорости сто слов в секунду: тра-та-та-та-та-та. Нет, вру – тысяча слов в секунду, – мрачно возразила я.

Клэр рассмеялась:

– Секрет прост – не паникуй. Доверься своему мозгу. Он сам все расшифрует. И вообще, на французском люди болтают ничуть не меньше глупостей, чем на английском. Французы, как и мы, любят повторять одно и то же по десять раз. Так что не волнуйся, справишься.

– А ваш знакомый говорит по-английски? – робко уточнила я.

Клэр смущенно улыбнулась:

– Когда мы в последний раз виделись, ни слова не понимал.

1972 год

Первое, что бросилось Клэр в глаза, – его усы. То есть в самих усах ничего необычного не было: тогда их отращивали многие – вместе с длинными растрепанными бакенбардами. Бакенбарды у молодого человека тоже имелись, но внимание Клэр привлекли именно усы: к их кончикам прилип шоколад. Она уставилась на эти шоколадные усы.

– В чем дело? – тут же поинтересовался молодой человек, игриво поведя бровями. – Дайте угадаю: вы никак не ожидали, что в эту дверь войдет такой потрясающе красивый мужчина, и теперь не верите своим глазам.

Клэр невольно улыбнулась.

Густая шапка темных кудрей, озорно искрившиеся карие глаза, крепкая фигура... Молодой человек был, безусловно, привлекателен, но красавцем его не назовешь. Особенно в традиционном французском смысле этого слова. Французы аккуратные, ухоженные, изящные и утонченные. А в только что вошедшем молодом человеке ничего утонченного нет: он напоминает случайно забредшего на светское мероприятие медведя.

– Смеетесь? Вас забавляет, что я некрасив? Молчите? По-вашему, это повод для смеха?

Молодой человек изобразил глубокую обиду.

Клэр уже почти час скромно просидела возле изысканного дверного косяка, дожидаясь, когда наконец мадам Лагард захочет уйти. Мамина подруга и ее муж оказались очень вежливыми людьми, а не домашними тиранами, как опасалась Клэр и как надеялся ее отец. Но Лагарды считали, что позволить Клэр участвовать в их светской жизни – большая привилегия.

Клэр же робела среди утонченных интеллектуалов и понятия не имела, о чем с ними говорить. Молодые люди в беретах яростно спорили о коммунизме, а умопомрачительно стройные женщины курили, время от времени игриво поглядывали на мужчин или рассказывали, как невыносимо скучна оказалась та или иная выставка. Клэр не любила многолюдные сборища, даже когда знала всех присутствовавших. Поразительная красота Парижа, которую Клэр видела каждый день, и без того действовала на нее подавляюще, ну а французов она попросту боялась.

Клэр попробовала воспринимать эти сборища как дополнение к языковым курсам и старалась внимательно слушать, но для нее все присутствующие, без сомнения, были взрослыми и зрелыми людьми. Ей до них было как до луны. В свои семнадцать Клэр толком не знала, кто она такая и где ее место, но на этих блистательных раутах чувствовала себя темной деревенщиной – чем дальше, тем больше. За речью большинства собравшихся уследить было трудно – так быстро они говорили. Клэр поражала красота женских нарядов: куда там маме с ее простыми скромными платьями! Вдобавок все рассказывали о выставках, которые посетили, и писателях, с которыми были лично знакомы, и без остановки говорили о еде. У Клэр от всего этого голова шла кругом.

Гостившая у Лагардов англичанка вызывала у собравшихся интерес: да и почему бы нет? Все-таки Клэр девушка хорошенькая и приятная. Но при малейшей попытке завязать с ней разговор Клэр пряталась в свою раковину, будто устрица. Ухоженную красавицу мадам Лагард подобная манера раздражала, но после Кидинсборо и домика приходского священника Париж кого хочешь заставит оробеть.

Но этот молодой человек совсем не похож на других. Как бы он ни старался казаться серьезным, в глазах так и пляшут задорные искорки.

– Я не поэтому улыбнулась, – возразила Клэр, прикрывая рот рукой.

– О-о! Англичанка! – воскликнул молодой человек и отступил на шаг, будто хотел рассмотреть такое чудо поближе. – *Enchanté*⁸, мадмуазель! Очень любезно с вашей стороны, что сообразовали посетить наш захолустный городишко.

– А теперь вы надо мной смеетесь, – постаралась Клэр ответить ему в тон.

– Абсолютно исключено, мадмуазель! Я француз, а у нас, как известно, чувство юмора отсутствует.

– Что это у вас на усах? – спросила Клэр.

Молодой человек соорудил смешную гримасу, пытаясь поглядеть на собственные усы:

– Понятия не имею. Может, чувство юмора застряло?

– Ну, если оно у вас коричневое...

– Тогда понятно. Издержки профессии.

Последнюю фразу Клэр не поняла, но тут хозяин вечера обернулся и заметил стоявшего в дверях вновь прибывшего. Сразу оживился, подошел и увлек его за собой, с энтузиазмом представляя гостям. Те, похоже, обрадовались молодому человеку гораздо больше, чем новой няне Лагардов.

– Кто это? – шепотом уточнила Клэр у мадам Лагард.

⁸ Приятно познакомиться (*фр.*).

– Тьерри Жирар, конечно! Недавно приехал. О нем сейчас весь город говорит, – ответила мадам Лагард, глядя на молодого человека почти с нежностью. – У него репутация самого талантливого шоколатье со времен Персиона.

Клэр удивилась, что шоколадных дел мастер пользуется такой популярностью и уважением. Зато стало понятно, что именно застряло у него в усах.

– Значит, здесь его ждет успех? – спросила Клэр для поддержания разговора.

Мадам Лагард наблюдала, как Тьерри Жирар беседовал с ведущим ресторанным критиком. Шоколатье легко и непринужденно очаровал собеседника с первых минут, заявив, что просто обязан поделиться с ним своим новым рецептом.

– Полагаю, что да, – заметила мадам Лагард. – Он учился в Швейцарии и Брюгге. Настоящий мастер своего дела.

Клэр обошла комнату, взяла второй бокал очень вкусного шампанского и снова занялась наблюдениями за гостями. Тьерри невозможно было не заметить: он находился в центре внимания и развлекал от души смеявшихся гостей. Люди так и стекались к нему. У Клэр, привыкшей, что ее редко замечают – увы, таков удел тихони, – подобный талант вызывал восхищение.

В заросшем лице нет ничего красивого – ни дать ни взять медведь. Но оно светится таким веселым, живым обаянием, что смотреть на него приятно. Невольно хочется, чтобы он согрел и тебя теплыми лучами своего внимания.

Несколько красавиц, до появления Тьерри мрачных и высокомерных, вдруг принялись со смехом крутиться вокруг него. Клэр нервно закусила губу. Она бы с удовольствием выпила еще один бокал восхитительного холодного шампанского. Раньше Клэр этого напитка не пробовала. Но она не без оснований подозревала, что мадам Лагард будет недовольна. И вообще, похоже, что супруги собираются уходить. Клэр оглянулась в поисках пальто, но тут вспомнила, что его унесла горничная, встречавшая гостей у двери.

– Не может быть! – прозвучал низкий рокочущий голос. – Уже уходите?

Клэр обернулась, и сердце ухнуло в пятки. Перед ней стоял Тьерри, и его лицо выражало глубокое уныние.

– Куда же вы торопитесь?

– Мне завтра работать, – заикаясь, пробормотала Клэр. – Домой меня повезет мадам Лагард. Я должна уйти вместе с ней.

– Ах, мадемуазель! – Тьерри выгнул бровь. – Не думал, что вы еще ребенок.

– Я не ребенок, – упрямо возразила Клэр, что прозвучало совсем по-детски.

– Alors⁹, до дома вас подвезу я.

– Нет, не подвезете, – вмешалась будто выросшая из-под земли мадам Лагард и устремила на Тьерри такой холодный взгляд, будто хотела превратить его в глыбу льда.

– Enchanté, – приветствовал мадам Лагард нисколько не смутившийся Тьерри. Наклонился и поцеловал ей руку. – Ваша сестра?

Мадам Лагард выразительно закатила глаза.

– Это моя няня, и, пока она в Париже, я за нее отвечаю, – сухо ответила мадам Лагард. – Клэр, пора уходить.

– Клэр...

Тьерри произнес ее имя так, будто перекатывал его по нёбу и пробовал на вкус.

– Вы, конечно же, посетите мой новый магазин?

Клэр сразу поняла, что мадам очутилась в затруднительном положении. Разумеется, посетить новый магазин захочет весь Париж. Иначе как признаться на следующем суаре, что ни разу там не бывали? Мадам Лагард искоса взглянула на Клэр. Похоже, думает, как бы оградить

⁹ В таком случае (фр.).

свою подопечную от этого потрясающе обаятельного молодого человека. По крайней мере, такое впечатление возникло у Клэр. Как же она ошибалась!

Мари-Ноэль Лагард была женщиной с богатым жизненным опытом и полагала: дома Клэр слишком опекают и кутают в вату. Как бы бедняжка не задохнулась в тесном мирке английского среднего класса! Надо срочно открыть ей глаза на другую жизнь, иначе Клэр похоронит себя заживо в убогом провинциальном городишке и так и не узнает, что такое жить в удовольствие, – совсем как ее матушка.

Но Мари-Ноэль рассчитывала, что под свое крыло Клэр возьмет один из хорошо воспитанных и блестяще образованных сыновей ее подруг. Научит девочку наслаждаться жизнью, и домой Клэр вернется с чудесными воспоминаниями о Париже и значительно расширившимися горизонтами, не ограниченными клубом садоводов при церкви. Мари-Ноэль чувствовала: в этой девочке таится большой потенциал, и мадам Лагард, как многоопытная женщина, должна помочь ему раскрыться. И ради самой Клэр, и ради ее матери, поистине замечательной женщины, способной на большие свершения, которая вышла замуж за обаятельного молодого священника – и неоднократно об этом пожалела. Но Клэр нужно свести с кем-нибудь подходящим, и главное, чтобы этот кто-то был осторожен. Хороша будет Мари-Ноэль, если отправит девочку в Кидинсборо беременной от толстяка-повара!

– *Bien sur*. Конечно, – отрывисто бросила она, одновременно давая знак горничной, чтобы поскорее несла пальто.

Наконец они вышли на улицу. Несмотря на поздний час, воздух был по-летнему теплым. Когда сели в такси, Клэр обернулась и посмотрела на стеклянные раздвижные двери, через которые они только что вышли. Оттуда неслась музыка и оживленные голоса. Дым от сигар поднимался к темному небу.

Глава 4

В последний раз папа заходил ко мне в комнату, когда мне было лет двенадцать, не больше. Здесь мое убежище, и представителям мужского пола в него хода нет. К тому же мой папа не из тех, которые заводят долгие беседы по душам. Мой папа из тех, кто развлекает твоих друзей шутками, от которых сквозь землю провалиться хочется, никогда не забывает смазать маслом цепь твоего велосипеда, в Рождество ходит чуть раскрасневшийся и целый день не снимает праздничный колпак. Скорее всего, он никому и никогда не говорил «я люблю тебя» – даже маме. Но это и ни к чему – я ведь чувствую, что папа ее любит. Мальчишек папа иначе как балбесами не называет, но я знаю: когда меня повысили на фабрике «Брэйдерс», он мной гордился.

Мама только и знает, что нервно тараторить: как я буду дальше жить, что смогу делать, а чего не смогу, какое будущее меня ждет... Как же я устала от этих речей! Я не парализована, не в инвалидном кресле. Всего лишь потеряла два пальца на ноге. Папе даже не полагается синий парковочный значок. Мама, когда узнала, расстроилась. Серьезно. Потом прочла статью в одном из своих журнальчиков, пришла к выводу, что у меня депрессия, и стала что-то бубнить про психолога. Это меня тоже взбесило. Депрессия – тяжелая болезнь, а я просто немного грущу. По моему мнению, когда теряешь часть тела, это совершенно нормальная реакция, и обсуждать тут нечего. Но отрицать не могу, – кажется, будто из себя прежней я превратилась в кого-то другого. Настигало вас когда-нибудь адское двухдневное похмелье? Чувствую себя, как на второй день вот такого похмелья. Не хватает сил, чтобы сделать миллион и одну вещь, взяться за которые просто необходимо. Но их так много...

Папа тихонько постучал в дверь. Я даже удивилась. Мама никогда не стучится, а мальчишки ко мне не поднимаются: просто орут с первого этажа.

– Здравствуй, деточка, – произнес он и протянул мне чашку чая.

Не сказала бы, что мы глубоко патриархальная семья, но раньше папа ни разу не заваривал чай.

– Сам заварил? – уточнила я, подозрительно поглядывая на чашку.

– Да, – быстро ответил папа. – С двумя кусочками сахара, правильно?

Должно быть, у мамы спросил.

– Можно войти?

– Ты же у себя дома, – удивилась я.

Папа явно нервничал. И что еще хуже, когда сел, осторожно достал из кармана два шоколадных печенья в упаковке.

– Что случилось? – Я пристально взглянула на него.

– Ничего.

– Если требуется шоколадное печенье, значит случилось. Не томи, выкладывай.

– Просто угостить тебя хочу. – Папа покачал головой.

Я продолжала молча смотреть на него. Так я и поверила!

– Мне тут звонила твоя учительница... – наконец начал папа.

– Говоришь так, будто я школьница, – проворчала я.

– А по-моему, эта женщина и сейчас многому тебя научила, – заметил папа и сел за мой белый туалетный столик.

Что и говорить, вид непривычный. В зеркале отражался папин затылок. До чего же он облысел!

– Надо же было как-то скоротать время, – пожала плечами я.

Папа поглядел на мою кровать. Там лежали несколько французских книг – Клэр одолжила.

Я с трудом продираюсь сквозь текст при помощи толстого словаря. Получается медленно и нудно, но все же смысл постепенно вырисовывается.

– Так вот, твоя учительница говорит, что нашла тебе работу.

– Нет, не нашла. – Я покачала головой. – Просто она знает одного человека... вернее, знала. Они много лет не виделись. Ему на лето нужны дополнительные рабочие руки.

– Она говорит, это как раз твоя сфера.

– Да уж. В чужой стране. Скорее всего, я там полы мести буду.

– Разве плохо поработать за границей? – Папа пожал плечами.

– Что, надоела я тебе? Отделаться от меня хочешь?

– Нет, – деликатно заметил папа. – Просто тебе всего тридцать, тебя ничто здесь не держит... Разве ты не хочешь попутешествовать? Посмотреть мир?

Теперь плечами пожала я. С этой стороны я вопрос не рассматривала. И вообще в последнее время думала только об одном: как же мне, бедняжке, не повезло и как все должны меня жалеть. А про дальнейшие планы ни одной мысли в голову не приходило. Я утратила частичку себя – даже две частички. Хватит потрясений на один год.

Но папа на секунду заставил меня взглянуть на предложение Клэр с новой стороны. Приятно будет отправиться туда, где люди понятия не имеют, что со мной стряслось. Никаких сочувственных взглядов и нездорового любопытства. Стоит пройти мимо соседских детей, и те сразу принимают меня обсуждать. Всего один раз выбралась в клуб с Кейт, и вот что из этого вышло: в час ночи ко мне привязался пьяный Марк Фармер с просьбами показать ступню. После этого эпизода в клуб не тянет. Кто я им: звезда шоу уродов? В Кидинсборо память у людей долгая. Как-то раз в начальных классах Сэнди Верден навалила кучу в штаны. Так вот, об этом до сих пор вспоминают.

– Сама знаешь, деточка, – папа ласково смотрел на меня, – не люблю раздавать советы.

– Знаю, – подтвердила я. – Очень ценю это твое качество. А то мама насочветует за двоих.

– Честное слово, – папа грустно улыбнулся, – будь я моложе и предложи мне кто-нибудь пожить на новом месте, побывать там, где ни разу не был, пусть даже совсем недолго, согласился бы не раздумывая. Как можно упускать такой шанс?

В первый раз вижу, чтобы папа о чем-то рассуждал с таким пылом. Даже когда в 1994 году наша городская футбольная команда «Кидинсборо Вондерерз» заняла первое место в лиге и месяца полтора в городе ни о чем другом не говорили. Правда, в следующем сезоне их обыграли, так что радость оказалась недолгой.

– Пожалуйста, не отказывайся, – попросил папа и со вздохом прибавил: – Мальчишки – бездельники, по полгода баклуши бьют. В прежние времена вкалывали бы в шахте или еще чем полезным занимались, а теперь работы никакой. Только и делают, что дожидаются, когда поблизости новая стройка начнется. Безобразие, да и только! Но ты...

Папа посмотрел на меня. Его усталое лицо выражало такую доброту, что я невольно отвела взгляд.

– Анна, у тебя же светлая голова. Когда ты заявила, что уходишь из школы, мы с мамой ушам не поверили. Нам даже миссис Шоукорт звонила.

Да, было дело. Клэр сказала родителям, что я обязательно должна продолжить учебу и поступить в колледж, но я в этом смысла не видела. Уже решила, что буду работать в производственной сфере, к тому же хотела поскорее начать зарабатывать деньги. Как-то не подумала о том, что в колледже могла бы получить специальность и за пару лет научиться чему-нибудь полезному, а не нахвататься знаний по верхам на фабрике. Ну а после окончания школы гордость не позволила мне пойти на попятный. Папа твердил, что еще не поздно передумать, но к тому времени я успела привыкнуть к зарплате, к тому же не хотелось снова усаживаться за парту. И вообще, все студенты – прыщавые неудачники. По крайней мере, так говорили у нас на фабрике. А мне казалось, что студентам живется весело.

Рядом с фабрикой стоит большой сельскохозяйственный колледж. Бывало, смеющиеся студенты с беззаботным видом шли мимо с папками и ноутбуками, а мы с утра пораньше тащились на работу. Но я сейчас не об этом.

Миссис Шоукорт объявила родителям, что у меня способности к языкам. Я должна продолжить учебу и сдать экзамены. Я только фыркала. Это еще зачем? Учить подростков бесполезно – не в коня корм. Вернее, таких подростков, как я.

А папа продолжал говорить.

– Знаешь, у тебя бы получилось, – мягко произнес он. – Честное слово.

– В детстве ты мне говорил, что я вырасту и стану Человеком-пауком, – криво улыбнулась я.

– А почему бы и нет?

С этими словами папа встал – медленнее, чем раньше, я заметила (теперь я всегда обращаю внимание на то, как люди двигаются) – и нежно поцеловал меня в затылок.

Глава 5

Два месяца спустя

Если еще хоть один человек скажет, как мне повезло, взвою. Совсем не чувствую себя счастливицей. На огромном многолюдном вокзале в Париже все пассажиры, стоило им высадиться из поезда «Евростар», моментально разбежались в разные стороны. Можно подумать, они участвовали в конкурсе «Посмотрите на меня, я знаю Париж лучше всех!». А я осталась в растерянности стоять на одном месте, чувствуя себя беззащитной и уязвимой. Тут мне пришло в голову, что выгляжу я тоже беззащитной и уязвимой. Ничего не скажешь, идеальная жертва для карманников. Теперь понятно, почему мама с папой каждый год отдыхают в Скарборо. По крайней мере, там точно знаешь, на какую часть набережной лучше не заглядывать, и сразу понятно, настоящая форма на полицейском или маскарадный костюм. А здесь я даже таблички прочесть не могу. В такси садиться страшно. Когда ковыляла вниз по эскалатору, таща за собой чемодан на колесиках, вспоминала всех, кто ахал от восторга и твердил, как мне повезло. Ведь я еду в Париж! Это просто потрясающий город! Про себя думала: да уж, конечно! Скорее всего, ближайшие полтора месяца я просижу одна в комнате, а жизнь вокруг будет бить ключом без меня. Так ничего потрясающего и не увижу. Очень даже вероятный сценарий. И еда мне, скорее всего, не понравится.

Я уставилась на схему метро, но с таким же успехом могла бы разглядывать египетские иероглифы. Так и стояла перед ней, крепко сжимая кошелек и загранпаспорт. Остается надеяться, что схему повесили не вверх ногами. Названий у линий нет, только номера. Но на указателях на вокзале везде написаны названия. Наконец я догадалась: должно быть, это конечные остановки.

Смело я зашагала вперед и купила билет у мужчины за стойкой. Спросила его на моем лучшем французском, как пройти на платформу. Тот ответил длинным монологом, состоявшим из крайне запутанных инструкций. Ничего не поняла, но вежливо поблагодарила и побрела куда глаза глядят. Мужчина меня громко окликнул. Я испуганно обернулась. Судя по его жестам, я с самого начала повернула не в ту сторону. Опять сказала «спасибо». От стыда слезы на глаза наворачивались.

Платформа забита пассажирами всех существующих типов и категорий. Большинство тараторят на французском со скоростью миллион слов в минуту. Будто нарочно выпендриваются! Но у некоторых туристов вид безнадежно потерянный. Вот они, собраты по несчастью. Но мы избегаем друг друга, будто боимся заразиться. Не хочется демонстрировать собственные уязвимость и невежество. Сейчас я с удовольствием развернулась бы и села обратно в милый уютный «Евростар».

Глянула на часы. В Париже четыре, значит, в Кидинсборо три. Перерыв на чай. Работай я до сих пор на фабрике, сидела бы с чашечкой и пакетом чипсов с солью и уксусом. Раньше ненавидела, презирала и всячески поливала грязью «Брэйдерс», а теперь при одной мысли об этой несчастной фабрике меня захлестнула тоска по дому. Да и в больнице примерно в это же время разносят заварные пирожные.

Я нервно глядела в грязные, изрисованные граффити окна грохочущего серебристого поезда. Мимо мелькала одна станция за другой. Наверняка свою я уже пропустила. Еще через несколько минут мы оказались среди полей. Я толком не представляла, куда мне нужно, но точно не сюда. С бешено бьющимся сердцем я выскочила на ближайшей остановке. Несколько пассажиров в вагоне поглядывали на меня с насмешкой. Стыд мешался с раздражением и тревогой. Я села на первый же поезд, шедший в противоположном направлении. Этот, слава богу, ехал медленнее и на остановках стоял подолгу. Я устроилась на узком оранжевом пластико-

вом сиденье у двери и пристально вглядывалась в таблички, пытаюсь остановить поезд силой мысли.

Когда наконец я добралась до станции «Шатле – Ле-аль», чемодан застрял в турникете. Вытащил его очень хорошо одетый мужчина, спешивший мимо. Хотела поблагодарить доброго самаритянина, но тот пронзил меня строгим взглядом. Будто выговор объявил за то, что путаюсь под его обутыми в дорогие ботинки ногами. На поверхность я поднялась помятой, вспотевшей и доведенной до белого каления. Попробовала ориентироваться по карманной карте.

Дурацкий Париж! Дурацкий лабиринт, который здесь называют метро! Пассажиры неприветливые, сотрудники орут, но больше всех бесят хорошо одетые мужчины. Я едва не разрыдалась. Да еще и нога болит.

Рядом со станцией метро было маленькое кафе. Столики и стулья здесь умудрились впихнуть на узкий тротуар. Мимо несутся машины, воняет выхлопными газами. Под стульями и над ними – товары соседнего цветочного магазина. В тысячный раз за день я проверила, на месте ли кошелек, и рухнула на стул как подкошенная. Маленький человечек в брюках и белой рубашке с важным видом поспешил ко мне.

– Мадам! – сразу засуетился официант.

Понятия не имею, чего хочу. Скорее всего, просто присесть. А при удручающем состоянии моих финансов заказать следовало бы простой стакан воды. Но по глазам официанта вижу: нет, так просто от него не отделаешься.

Глянула на соседний столик. Пожилой мужчина с такой же пожилой собакой, дремавшей под стулом, посмотрел на меня в ответ. Перед ним стоял высокий стакан, до краев наполненный ледяным светлым пивом. Официант проследил за моим взглядом.

– Comme ça? – рявкнул он.

«Вот такой?» С благодарностью кивнула. Хорошо, пусть будет пиво. Конечно, в четыре часа дня рановато заказывать алкоголь, но я на ногах с пяти утра, страдаю от жары, усталости и злости. Приятно хоть на две секунды перестать дергаться из-за того, что еще нужно сделать. Не бояться, что потеряю билет на поезд, или уроню загранпаспорт, или оставлю чемодан без присмотра и служба безопасности его взорвет.

Я откинулась на спинку стула и подставила лицо солнцу. Когда я выезжала из Англии, моросило. Не ожидала, что в Париже окажется солнечно. Щурясь, попыталась вспомнить, куда запахнула темные очки. Глубоко вздохнула. Мой заказ подали со скоростью звука. Отпила глоток. Пиво холодное, вкус просто изумительный. Огляделась по сторонам и невольно улыбнулась.

Да, это вам не грязное метро с непроходимыми турникетами! Вот я сижу на перекрестке мощеных улочек. Та, что справа, ведет к широкому горбатому мосту через Сену. На другом берегу огромный собор. Да это же Нотр-Дам! От волнения сердце замерло. Слева длинный ряд массивных белых зданий семи-восьми этажей в высоту. За ними виднеется набережная реки. С другой стороны – магазины, магазины, магазины. Улица шириной в несколько полос. Насколько видит глаз, над тротуарами красуются полосатые маркизы.

Несмотря на усталость и нервы, плечи мои постепенно расслабились, на душе посветлело. Я отпила еще глоток пива. Знаю, что существуют люди, для которых путешествие – не стресс. Просто запрыгивают в поезд или самолет, получают удовольствие от всего происходящего и как ни в чем не бывало просыпаются в новом городе. Так вот, я не из этой породы. В дороге я комок нервов.

Из цветочного магазина вышел симпатичный молодой человек с зализанными волосами. В руках огромный букет белых лилий. Вид у покупателя такой, будто боится быть застигнутым на месте преступления. Интересно, кому цветы? Не успела об этом подумать, как молодой человек встретился со мной взглядом и подмигнул. Надо же! Я улыбнулась в ответ.

Мимо потянулась вереница сотрудников, покидавших офисы. По нашим стандартам рановато для часа пик, и все же народ расходится по домам. Женщины будто только что из парикмахерской. Макияж сдержанный, волосы темные, блестящие и даже не похоже чтобы крашенные. Печально я подумала о мелировании от Кейт. Каждые полтора месяца выкладываю за него целое состояние, даже учитывая «дружескую» скидку. Одеты француженки просто. В основном все в черном, синем или сером. Обратила внимание, что женщин в брюках не много. Сотрудницы высшего и среднего звена в «Брэйдерс» почти все носят брючные костюмы. Брюки слишком плотно обтягивают объемистые задницы, а сверху – куцый жакетик. В общем, стиль, оставляющий желать лучшего. А у тех парижанок, которые все-таки облачились в брюки, ягодиц почти не видно. Крой летящий. Выглядит и элегантно, и задорно. Ну конечно, подумала я. Точно так же одевается миссис Шоукорт – то есть Клэр. Так вот где она училась. Интересно, сложно освоить это искусство?

Тут пожилой мужчина за соседним столиком наклонился ко мне:

– Anglaise?

Ну да, я англичанка. Неужели это до такой степени бросается в глаза? Я кивнула с вежливой улыбкой.

– В первый раз в Париже?

Опять кивнула.

Пожилой человек улыбнулся. Все лицо сразу избороздили многочисленные морщинки.

– Вам понравится. В ваши-то годы, в первый раз в Париже... Завидую, мадемуазель!

Я попыталась улыбнуться в ответ. На самом деле больше всего на свете я мечтала о горячей ванне. А на фоне пробежавших мимо юных французских красавиц чувствовала себя глубокой старухой. На секунду я позволила себе поверить, что этот старичок прав. В Париже меня, Анну Трент из Кидинсборо, ждут невероятные приключения и бурление страстей. Но даже сама мысль кажется нелепой и смехотворной. Самое большое мое приключение – однажды я отыскала идеальные сапоги с семидесятипроцентной скидкой на распродаже в «Дебенхемс». Однако, допивая золотистое пиво и окидывая взглядом озаренные предзакатным светом улицы, невольно подумала: а вдруг здесь меня и впрямь ждет что-то необыкновенное?

Глава 6

Оказалось, Сите – самый настоящий остров. В Париже их целых два, и находятся они прямо в центре города. С большой землей их соединяют многочисленные мосты. Здания на Сите в основном каменные – крупные, внушительные, горделивые: огромная больница, суд, полицейские участки. На западном берегу Нотр-Дам. Но за парадными фасадами прячутся узкие улочки – мощеные, извилистые. Это старый город: туда мне и нужно. Наконец оказываюсь на улице под названием Рю дез Урсен. Для этого приходится спуститься по ступенькам. Рядом мост, напротив посреди мостовой красуется крошечный треугольный садик.

Такое чувство, будто номера на зданиях расставили вразнобой или они затеяли игру в чехарду. Районы – здесь они называются *arrondissements* – возникают будто ниоткуда. Когда идешь куда-то в первый раз, всегда испытываешь особое, ни на что не похожее ощущение. До места добираться долго и по пути подмечаешь подробности, которые запоминаются навсегда. Например, фонари из кованого железа, осветившие мне путь, когда начало темнеть. Наконец нашла то, что искала. Моя цель на шестом этаже старинного здания из золотистого камня. Окна высокие, от пола до потолка. Балконы уставлены цветочными горшками с незабудками.

Стоило заметить этот дом, и сердце замерло от восторга. Но, подойдя поближе, я заметила, что камень поистерся, одни незабудки засохли, а другие сделаны из пластика, из красивых окон едва не вываливаются рамы, вдобавок стекло в них всего одно – никаких двойных стеклопакетов. С мечтой о роскошных апартаментах придется распрощаться. Это всего лишь поделенный на квартиры старый дом, вдобавок довольно-таки запущенный. Я вздохнула. Наш дом в Кидинсборо маленький, и пахнет там мальчишками, лосьоном после бритья «Линкс», рыбными палочками, а иногда – нашим старым псом, которого мучают газы. Но моя комнатка теплая и уютная: мама любит включать отопление на полную мощность. Папа вечно ругается, что нам приходят километровые счета. Зато у нас мило и все современные удобства в наличии – включая двойные стеклопакеты. Никогда не жила в старом здании. Невозможно угадать, какого цвета когда-то была массивная старинная дверь. Нынешний оттенок назвать затрудняюсь: желтовато-красный?.. Друг к другу жмутся кнопки звонков с неразборчивыми подписями. Ступени крыльца совсем истерлись. Нужной фамилии не нашла.

Осторожно толкнула дверь. Она открылась со зловещим скрипом. Я шагнула внутрь.

– Bonjour!¹⁰ – позвала я.

Никто не ответил.

– Bonjour!

Все та же тишина. В конце коридора застекленная дверь, сквозь которую проникает достаточно света, чтобы разглядеть пыльные стопки старых писем на паркете с треснувшими половицами и засыхающее комнатное растение в горшке возле лестницы. Ступеньки ведут в темноту.

Пошарив руками по стене, я нащупала выключатель, зажгла свет и стала карабкаться вверх. Но не успела добраться до первой лестничной площадки, как свет погас. Выругалась себе под нос и вновь стала водить рукой по стене в поисках второго выключателя. Но вместо него сдуру нажала на дверной звонок. Тот взвыл на весь дом, как сирена.

– Allo? – примерно с той же громкостью прокричал старческий женский голос.

Я помнила, что мне надо на верхний этаж, поэтому с торопливым «Pardon, madame»¹¹ продолжила путь.

¹⁰ Здравствуйте (*фр.*).

¹¹ Извините, мадам (*фр.*).

Ну почему этот дурацкий свет все время гаснет? Перемещаться перебежками от выключателя к выключателю – то еще удовольствие. Лестница узкая и извилистая. Вдобавок приходится волоочь тяжелый чемодан.

До верхнего этажа я добралась вся вспотевшая и запыхавшаяся. А внизу дама, в дверь которой я случайно позвонила, визжала во всю глотку. Слов я не разобрала, но, кажется, одно из них «полиция». Я тихонько выругалась – милыми и родными англосаксонскими словами.

Ступила на тесную лестничную площадку. Свет льется из облепленного грязью окошка в потолок. Наконец-то можно обойтись без выключателей! Места здесь совсем мало. Неужели я в башню поднялась? Кто-то повесил возле лестницы белую полочку, плотно уставленную книгами. Ну и как протиснуться мимо нее с чемоданом? На остальных этажах по две квартиры, но здесь всего одна.

Я шагнула вперед. На низкой белой двери висит маленькая медная табличка. На ней крошечными буквами выведено: «Сами». Я вздохнула с облегчением. Хорошо, что не придется еще раз преодолевать эту жуткую лестницу. Но тут сообразила: раз теперь здесь буду жить я, значит преодолевать жуткую лестницу придется каждый день – заметьте, с восемью пальцами на ногах! Пока я отмахнулась от этой нерадостной мысли и громко постучала в дверь.

– Есть кто-нибудь дома?

За дверью послышались шаги. Слава богу! Не знаю, что бы я делала, если бы пришлось тащиться вниз. Хотя нет, знаю – просто села бы на обратный поезд, и все дела. Но нет, так бы я не поступила. Ни за что.

– J'arrive!¹² – прокричал чей-то голос.

Судя по испуганной интонации, своим появлением я застала хозяина врасплох. За дверью что-то грохнуло. Да что у них там творится?

Наконец дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина огромного роста – ни дать ни взять великан. Кожа смуглая, брови черные, кустистые, массивный подбородок покрыт щетиной. Из одежды на мужчине халат с узорами. Остается надеяться, что под ним хоть что-нибудь есть. На меня хозяин устремил взгляд, полный глубокого, искреннего недоумения.

– Bonjour, – поздоровалась я. – Анна Трент. Из Англии.

Вдруг забеспокоилась: что, если Клэр не смогла договориться насчет жилья? А может, вышло какое-то недоразумение, или хозяин передумал, или...

Хозяин прищурился.

– Attends!¹³ – приказал он.

А что мне еще оставалось? Только ждать.

Через пару секунд мужчина вернулся в огромных очках в черной оправе. От него пахло сандаловым деревом. Едва не чихнула. Мужчина еще раз поглядел на меня сквозь очки.

– La petite Anglaise!¹⁴ – воскликнул он, расплылся в широкой улыбке и перешел на английский. – Добро пожаловать! Добро пожаловать! Проходите! Что я могу сказать? Совсем забыл! Вы можете сказать: «Как так – забыл?» – а я могу сказать... я могу сказать... добро пожаловать à Paris!¹⁵

Шагнув в комнату, я сразу убедилась, что хозяин не врет: он и впрямь забыл о моем приезде. Коридора почти нет. Возле двери из мебели поместилась только вешалка со шляпами. В жизни не видела такой экзотической коллекции: я заметила феску, фетровую шляпу и мохнатую голову от маскарадного костюма гориллы. Комната небольшая, но доверху забита вещами. Плащи и ткани, перья, ножницы, меховые палантины, наволочки, пепельницы, пустые бутылки

¹² Иду (фр.).

¹³ Ждите (фр.).

¹⁴ Маленькая англичанка (фр.).

¹⁵ В Париж (фр.).

из-под шампанского, огромные подушки на массивном красном диване и на полу возле него... В углу кухонька, но ею, очевидно, никогда не пользовались по назначению. Эксцентричный хозяин выпрямился, чуть не задев головой неожиданно низкий потолок. Должно быть, рост у него под два метра, не меньше.

– Oui¹⁶, – подтвердил хозяин, окинув грустным взглядом беспорядок. – Забыл.

Но тут же повернулся ко мне с жизнерадостной улыбкой.

– Но я могу сказать – да, добро пожаловать, Анна Трент. – В его устах мое имя прозвучало как «Ан-На Трон». – Мой дом всегда в полном порядке и готов к гостям! Вам ведь это понравится, правда?

Я покачала головой. Нет, не понравится.

– Вы на меня сердитесь, – сделал вывод хозяин. – Вам грустно.

Я опять покачала головой. Я не сержусь, и мне не грустно. Просто на меня свалилось слишком много новых впечатлений за один раз: я устала, перенервничала, вот слезы на глаза и навернулись. Еще бы – в первый раз я забралась так далеко от дома. Поэтому единственное, чего мне хочется, – сесть на нормальный стул за нормальный стол с нормальной чашкой чая, а не продирается через безумный творческий беспорядок богемной мастерской. Неужели я слишком многого прошу?

– Что это у вас такое? – спросила я, обведя широким жестом комнату.

– Беру работу на дом, – пожал плечами хозяин. – Моя главная беда: слишком много работаю.

Позже выяснилось, что главная беда Сами отнюдь не трудоголизм, но в тот первый вечер я поверила ему на слово.

Оказалось, Сами работает в костюмерной театра «Опера Гарнье». Вместе с десятком девочек-швей создает костюмы для оперных постановок и получает за это жалкие гроши. В Париж Сами приехал, надеясь устроиться в один из крупнейших модных домов, но, увы, не сложилось. Теперь его основное занятие – расставлять швы на корсетах для певцов и жаловаться на жирных теноров и унылых сопрано, которые твердят, будто из-за узких костюмов не могут нормально петь, но на самом деле просто выпендриваются.

Но обо всем этом я узнала потом. А пока мне казалось, будто я угодила на свалку.

– Для вас есть комната! – объявил Сами. – Другая, не такая, как эта.

Тут в глазах хозяина промелькнул испуг.

– Ждите здесь, – велел он и скрылся за дверью в дальней стене.

Быстро пересчитав двери, я с облегчением убедилась, что в квартире есть две спальни и ванная. На одну страшную секунду вообразила, что придется ночевать среди этих вековых завалов в обществе страдающего дефицитом внимания великана.

Через некоторое время Сами вышел из моей комнаты – вид пристыженный, халат оттопыривается так, будто под ним что-то спрятано.

– Prêt¹⁷, можете заходить, – объявил Сами, кланяясь мне в пояс.

Таща за собой объемистый чемодан, я последовала за ним.

Мою спальню в Кидинсборо просторной не назовешь, поэтому к огромным апартаментам я не привыкла. Но когда в тридцать лет тебя запихивают в помещение теснее тюремной камеры... Да эта комната просто крошечная! Каким-то чудом сюда втиснули односпальную кровать и миниатюрную тумбочку, но больше никакой мебели в спальне не оказалось – она бы сюда просто не влезла. Я часто заморгала. Только бы не разреветься! Даже плакать здесь негде – уединиться никакой возможности. Каюсь, в фантазиях я видела спальню со смежной ванной и интерьеры со страниц журналов. В Париже полно огромных квартир с роскошными

¹⁶ Да (фр.).

¹⁷ Готово (фр.).

комнатами, мраморными каминами, высоченными потолками... А это же просто гроб какой-то! Наверное, в прежние времена тут спали служанки. Стены выкрашены в белый, на полу темно-коричневый истертый паркет.

– Нравится? – спросил Сами. – Великолепно, правда?

– Великолепно? – переспросила я, повернувшись к нему.

Если это помещение кажется хозяину великолепным, страшно представить, где спит он сам.

– Великолепно! – гаркнул Сами.

У меня чуть челюсть не отвисла.

– Ой, Ан-На Трон очень на меня злится. – Сами сделал грустное лицо. – Давайте я вам что-нибудь принести.

– Может, чаю? – предложила я.

– Чая нет.

– Кофе?

– Mais bien sur!¹⁸

Со счастливым видом хозяин стал пробираться через завалы к крошечной кухоньке. Я же попыталась втиснуться в свою монашескую келью вместе со здоровенным фиолетовым чемоданом. Наконец взгромодила его на кровать – больше было некуда. Протиснулась мимо тумбочки к окну. Посмотрела в него – и ахнула.

Окно от пола до потолка и открывается вбок. Мимоходом я подумала, сколько маленьких детей из таких повываливалось. Но эта мысль упорхнула так же быстро, как появилась. Я подняла сетчатую занавеску, открыла щеколду и сделала сразу два потрясающих открытия. Первое – крошечный балкончик. Места на нем хватило только для кованого столика и двух стульев, зато здесь солнечная сторона. А второе – потрясающий вид на Париж с высоты шестого этажа.

Крыши домов на противоположном берегу Сены, столики у южных стен ресторанов. Насколько хватает глаз, реку пересекают мосты, мосты, мосты. Слева, на северо-западе, виднеется зловещий черный небоскреб. Там бьется финансовое сердце Парижа, Ла Дефанс. Повсюду бурлит и бьет ключом стремительная жизнь большого города. Звуки до шестого этажа едва доносятся, зато прекрасно видно, как фургончик с фруктами упорно прокладывает себе путь, лавируя на загроможденной автомобилями улице. Компания потрясающе красивых людей вылезает из блестящего черного автомобиля и направляется к элегантному бару. По соседней улице, послушно держась за руки, парами идет вереница школьников. Ну а если выгнуть шею влево, далеко на востоке вижу ее: единственную, уникальную и неповторимую Эйфелеву башню.

Вглядываюсь в розовеющий горизонт с такой жадностью, будто наткнулась на источник в пустыне. Я забыла обо всем: и о боли в ноге, и об усталости, и о мечте принять душ.

– Ваш кофе, – объявил Сами, заходя в мою комнату без стука. – Вам совсем не нравится?

– Не сразу заметила балкон, – улыбнулась я. – Здесь великолепно. Великолепно!

Хозяин принес мне крошечную чашечку с черной как деготь жидкостью. На блюдце кубик сахара. Обычно предпочитаю латте или «Нескафе».

– У вас случайно нет молока? – извиняющимся тоном спросила я, взглянув на Сами.

– Молока? Нет. Молоко грязное. Вы будете сосать коровью сиську? Не будете. Молоко? Нет!

– Ну ладно, – вздохнула я.

– Бренди? Есть немного бренди.

Раз уж сегодня такой красивый вечер, я ответила «да». Пусть будет бренди.

Остаток вечера мы с Сами провели, сидя на моем балкончике. Оказалось, у него такой тоже есть, с другой стороны от гостиной. Можно махать друг другу по утрам. Пили кофе с

¹⁸ Ну конечно (фр.).

бренди, любовались Парижем. Если бы кто-то из прохожих поднял голову и заметил меня (хотя нет, не заметил бы – мы в мезонине, мимо пролетают голуби, небо окрашивается розовым, желтым и лавандовым, и вокруг никого, кроме птиц), этот человек подумал бы, что я такая же часть Парижа, как и все остальные. А я просто глядела на загадочный и причудливый иноземный пейзаж и восхищалась. Восхищалась без конца.

1972 год

Клэр просто обожала своих подопечных, Арно и Клодетт. Дети оказались вежливыми и хорошо воспитанными. Акцент Клэр их забавлял. То и дело спрашивали, какие французские слова она знает, а какие – нет. Больше всего им нравилось, как она произносила «Микки-Маус».

Взамен Клэр позволяла детям самим задавать ритм тех ленивых летних деньков. Чаще всего они ходили на детскую площадку в сад Тюильри в сени Эйфелевой башни. Брали с собой *gouter* – закуску – в виде теплых круассанов, которые с жадностью разламывали на кусочки и поедали, сидя на скамейке. Потом шли домой обедать. После обеда дети ложились спать. Тогда у Клэр появлялось свободное время, чтобы почитать или заняться французской грамматикой. Мадам строго следила, чтобы няня не отлынивала от учебы. По пятницам мадам любила сама водить детей в бассейн, и в это время няня была свободна как птица.

Поначалу Клэр понятия не имела, как распорядиться часами досуга. Ходила на выставки и в музеи, которые, как ей казалось, она обязательно должна посетить. Будто ставила галочки в путеводителе. По возвращении мадам расспрашивала Клэр, что она видела, и время от времени просила сводить в музей детей. Но Клэр не получала особого удовольствия от этих вылазок. Среди больших семей, юных парочек и верениц школьников она чувствовала себя одиноко. Как легко и непринужденно все они болтали на языке, который Клэр давался с таким трудом! В Париже она не знала ни души, а Кидинсборо остался далеко, будто на краю света.

Но постепенно Клэр набралась уверенности и стала совершать более длительные прогулки. Чем больше она видела, чем больше мест посещала, тем дальше отступали страхи. Извилистые улочки Монмартра, причудливый собор на холме, пастельные ступени – все это сразу пленило ее сердце. Клэр часто наблюдала за молодыми женщинами на мотороллерах: они ездили без шлемов, только платки прикрывали густые волосы. Девушки подъезжали и останавливались поболтать с курившими на ступеньках молодыми людьми. Иногда Клэр отправлялась с книгой в Люксембургский сад и нежилась на траве, подставив ноги солнцу. И повсюду были парочки: они целовались, болтали, оживленно жестикулировали, устраивали пикники и пили вино из бутылок без этикеток. В семнадцать лет одиночество особенно мучительно. Хотя Клэр всю неделю с нетерпением ждала свободного дня, пятницы тянулись нескончаемо долго. Клэр была очень рада, когда ее французский усовершенствовался настолько, что она смогла ходить в кинотеатр на бульваре Монпарнас. Там не имело значения, что она одна, – вернее, имело, но не такое. Клэр слышала, что в Париже есть места, где собираются молодые англичане, но мадам Лагард ясно дала понять, что Клэр туда ходить не следует: раз уж приехала во Францию, пусть все у нее будет по-французски. Ну а Клэр не могла ослушаться: она всем и всегда старалась угодить.

Ей очень хотелось снова увидеть Тьерри. Отчасти потому, что он ей понравился, но главное – Тьерри проявил к ней интерес, а ведь здесь, в Париже, к ней решительно все были равнодушны. Все остальные были слишком заняты светской жизнью, работой и делами, о которых Клэр до этого и не слыхивала.

После той вечеринки прошло уже две пятницы. Клэр поймала себя на том, что забредала все ближе и ближе к той части острова Сите, где, по ее сведениям, скоро должен был открыться новый магазин шоколада – единственный в своем роде в Париже. Эти сведения Клэр почерпнула, жадно подслушивая разговоры мадам с гостями. Дома, когда к маме заходили подруги,

на стол подавали большой поднос домашних сэндвичей: белый хлеб, ветчина и маргарин. На десерт ели шоколадное печенье из магазина и запивали его пинтами черного чая. Зато здесь, когда к обеду ждали друзей мадам, приготовления затевались нешуточные. Дело никогда не обходилось без четырех блюд, шампанского в ведерке со льдом и беготни в рыбную лавку и обратно с утра пораньше.

Из разговоров гостей мадам Клэр узнала, что в Париже есть шоколадный магазин «Персион». Работает это заведение с 1794 года, за что пользуется всеобщим уважением. Но говорили, что вековой пылью там покрылись не только верхние полки, но и творческий пыл хозяев. Ассортимент «Персиона» не менялся веками.

Июль, пятница, середина дня. Улицы острова Сите заполнены толпами обливающихся потом от жары туристов. Этот район находится в стороне от прямых, проложенных по четкому плану улиц и широких бульваров. Переплетающиеся запутанным клубком улочки сразу выдают средневековые корни Сите. Крошечные переулки возникают будто ниоткуда, дороги сужаются, пока не исчезают вовсе, или внезапно утыкаются в стену одной из величественных церквей.

В прошлые выходные Клэр ходила с Лагардами на свадьбу. Она достала было привезенное из дома летнее платье, но мадам Лагард тут же покачала головой. Сказала, что это платье Клэр не по фигуре, и скрылась. А вернулась с коричнево-зеленым шелковым нарядом свободного кроя. Воздушная ткань казалась почти невесомой.

– Это мое, – пояснила мадам. – Увы, после родов носить не могу.

Клэр возразила, что мадам и сейчас очень стройная, но та лишь отмахнулась.

– Фигура тут ни при чем, – произнесла она. – Теперь мне такие наряды не к лицу и не по возрасту.

На секунду ее взгляд затуманила грусть.

– Как быстро проходит молодость: пролетела – и нет, – вздохнула мадам Лагард.

Мужа мадам, Бернара, Клэр почти не видела: он часто уезжал по работе, а когда все же появлялся дома, был усталым и рассеянным. Но прохладные отношения супругов казались Клэр образцом зрелости: не то что у ее родителей – что думают, то и говорят. Лагарды – изысканные, умудренные опытом светские львы. Переодеваются к ужину, пьют коктейли. Что бы такие люди ни делали, все правильно. По крайней мере, так считала Клэр.

Платье совершенно вышло из моды. Стильные парижанки выставляли напоказ длинные стройные ноги в джинсах клеш, делали крутую завивку, носили огромные темные очки и фетровые шляпы с широкими полями, а поверх последних повязывали шарфы от «Эрмес». Но ненавязчивый узор из листьев и фасон с присборенной талией очень шли Клэр. В этом платье ее удобство казалось достоинством. Даже маленький рост из недостатка превратился в плюс. Клэр выглядела миниатюрной и изящной. В джинсах же она часто терялась среди более ярких девушек.

– Так-то лучше, – произнесла мадам.

Несколько гостей мужского пола в открытую выразили Клэр свое восхищение, когда она проходила мимо. Одобрительно улыбались, вполголоса говорили: «Très jolie, mam'zelle»¹⁹.

А дома, в Кидинсборо, девушкам приходится слушать окрики и похабный свист.

Клэр сразу зашагала увереннее. От волнения ее щеки разругались, глаза заблестели.

Конечно же, Клэр понимала: вряд ли Тьерри запомнил девушку, с которой перекинулся парой слов на вечеринке. К тому же он наверняка слишком занят. Магазин шоколада ждет успех, и у хозяина не найдется ни минутки свободной. Но даже если найдется, что Клэр ему скажет? А может, он вообще не придет? У творческой личности полно дел поважнее.

¹⁹ Очень красиво, мадемуазель (*фр.*).

Клэр решила притвориться, что идет в шоколадную лавку исключительно за вкусными покупками, не более того. Вот Арно и Клодетт обрадуются, когда она вернется домой со сладостями!

Подходя к магазину, Клэр сразу заметила толпу людей. Об этой лавке уже был наслышан весь город. Клэр невольно улыбнулась и порадовалась за Тьерри. Чтобы решиться на нечто подобное, нужна большая смелость: объявить всем вокруг, что производишь нечто из ряда вон выходящее, и требовать деньги с каждого, кого заинтересует твое предложение. Нет, каковы бы ни были будущие достижения Клэр, вряд ли она когда-нибудь вызовет вокруг своей персоны такой ажиотаж.

Клэр подошла чуть ближе. Витрины манили, притягивали. Люди стояли и просто смотрели на них. Приблизившись вплотную, Клэр поняла почему.

Перед ней предстала целая чарующая сцена: к сказочному замку подъезжает карета, а из нее выходит принцесса. Наверху в небе парит воздушный шар. И все это сделано из шоколада. На кружевном платье принцессы узоры из белого шоколада, в окнах замка – витражи из черного. На деревьях шоколадные листья, на шаре выложены геометрические фигуры из белого шоколада. Перед замком посреди двора красуется фонтан, и в нем весело журчит шоколад.

Все это было так мило, остроумно и по-детски, что Клэр невольно расплылась в широкой улыбке и захлопала в ладоши. Тут она почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла голову. По другую сторону стекла стоял Тьерри. До этого он явно с кем-то разговаривал, но вдруг застыл. Тьерри глядел на Клэр так, будто не мог оторвать от нее глаз. Клэр тут же перестала улыбаться и нервно закусила губу. Казалось, все вокруг исчезло: толпы, покупатели, шум и суета летнего Парижа. Клэр робко подняла руку в знак приветствия и приложила ладонь к стеклу витрины. Не обращая внимания на покупателя, Тьерри поднял свою огромную ручищу, похожую на медвежью лапу. И тут Клэр заметила то, на что раньше не обратила внимания: у Тьерри были удивительно длинные, густые черные ресницы. Даже сквозь стекло Клэр казалось, что она может различить каждый их волосок, каждую клеточку. А еще в его темно-карих глазах с тяжелыми веками так и плясали живые огоньки.

Вдруг кто-то, желающий рассмотреть витрину получше, оттолкнул Клэр в сторону, и чары развеялись. Клэр покачнулась, отступила на несколько шагов. Не прошло и секунды, как из магазина выскочил Тьерри и протолкался к ней через толпу.

– Вы не ушиблись? Кто это сделал? – рявкнул он.

Толпа расступилась, образовав кольцо вокруг смущенно съежившегося мужчины.

– Ты! – рявкнул Тьерри, ткнув в него пальцем. – Тебе в мой магазин вход воспрещен! Пожизненно! Уходи!

Мужчина залился краской стыда. Не глядя на Клэр, он пробормотал извинения и скрылся.

– Bon!²⁰ – воскликнул Тьерри. – Остальных прошу заходить – если вы, конечно, хотите попробовать лучший шоколад в мире. Всем остальным просьба не беспокоиться.

Покупатели быстро наводнили шоколадную лавку. Тьерри вошел внутрь, массивной рукой обняв Клэр за плечи. Рядом с ним все мужчины казались маленькими, как дети.

Тьерри сразу провел Клэр в торговый зал. Там сохранились в первозданном виде позолоченные надписи тридцатых годов и стеклянные витрины. На полках рядами были выставлены большие старинные банки, а в них – разные виды сахара: ванильный, демерара²¹, фиалковый, лимонный, сахарная глазурь.

²⁰ Хорошо (*фр.*).

²¹ Разновидность коричневого тростникового сахара, получившего название в честь реки в Южной Америке.

В дальней части магазина угрюмого вида старик со сросшимися бровями что-то мешал в огромном медном чане. Тьерри кивнул ему, подзывая к себе, и старик с недовольным видом подошел к хозяину.

Но Клэр едва взглянула на старика: у нее от всего этого великолепия глаза разбегались. На полках вдоль задней стены раскинулся настоящий сад. Многие из трав и растений Клэр даже не знала. Дома она привыкла к простой пище. Когда мама попробовала приготовить спагетти болоньезе, все сочли такой кулинарный эксперимент слишком смелым. Мадам Лагард являлась сторонницей легкой и здоровой пищи: в ее доме к столу подавали простую рыбу на пару, а также огромные количества овощей и салата. Но эта зелень – совсем другое дело. Воздух наполняла причудливая смесь не похожих друг на друга ароматов, но их затмевал вездесущий запах шоколада: теплый, успокаивающий, надежный. Позже Клэр заметила: точно такой же запах исходит от самого Тьерри.

– Нравится? – спросил шоколатье.

Клэр ответила широкой искренней улыбкой.

– Да, очень! – с чувством воскликнула она.

Клэр сразу увидела, как Тьерри приятно: у него все было на лбу написано.

– Пойдемте, – позвал он и повел ее к чану.

Опустил туда ковш, зачерпнул, но тут замер.

– Non²², – покачал головой Тьерри. – Закройте глаза.

Клэр лукаво взглянула на него. Сердце ее билось быстро-быстро.

– Что это вы задумали? – игриво поинтересовалась она.

– А вы, оказывается, кокетка! – улыбнулся Тьерри. – Да вот, хочу похитить вас и продать работорговцам. Или думаете, порежу вас на кусочки и спрячу в шоколаде?

Тьерри достал из кармана платок и со словами: «Клянусь, он у меня чистый» – завязал Клэр глаза.

– Хочу, чтобы вы прочувствовали все нюансы вкуса. – Его голос вдруг раздался в опасной близости от уха Клэр. – Так проще сосредоточиться: ничто не отвлекает.

От платка, плотно закрывавшего глаза, пахло так же, как от Тьерри: шоколадом и табаком. Нет, сейчас она не способна сосредоточиться ни на чем.

– Только так вы оцените вкус по достоинству.

На секунду Клэр ощутила на шее его дыхание, и вот край ковша коснулся ее губ.

– Попробуйте, – велел Тьерри.

Клэр разомкнула губы, и рот тут же наполнился расплавленным шоколадом: нежным и теплым, как поцелуй. Это было ничем не замутненное чувственное наслаждение. Но даже в тот момент Клэр заметила, что Тьерри в кои-то веки примолк: должно быть, наблюдал за ее реакцией.

Когда шоколад закончился, Клэр невольно облизнула губы. Может, осталась хоть капелька?

Теперь голос Тьерри звучал серьезно: ни следа озорства.

– Понравилось?

– Очень, – ответила Клэр.

²² Нет (фр.).

Глава 7

Сами рассказал, что приехал из Алжира в возрасте шести лет. Мальчика забрал добрый двоюродный дедушка, добившийся во Франции больших успехов. Сами учился в хороших школах, а после этого должен был поступить в хороший университет. Но все свободное время мальчик проводил, разглядывая модные журналы и выбирая одежду. Этот период был нелегким для всех, сдержанно заметил Сами. Даже удивительно, что человек, так бурно демонстрирующий свои эмоции, выразился настолько деликатно.

Поступив в колледж моды, Сами пустился в свободное плавание, в котором находится до сих пор. По собственному признанию, Сами беден как церковная мышь и сдает комнатку в своей «башне», чтобы иметь возможность жить рядом с работой. Здесь у него еще и бесплатный спортзал в распоряжении: каждый день подниматься и спускаться по шести лестничным пролетам – та еще тренировка. Увы, очень скоро я убедилась, что Сами прав. Работает он по вечерам, но это даже хорошо, ведь по утрам ему вставать очень тяжело.

Первое утро выдалось холодным. Когда в моей белой келье прозвенел будильник, я не сразу сообразила, где нахожусь. А потом по всему телу пробежала дрожь приятного волнения. Я здесь, в Париже, сама по себе! С другой стороны от гостиницы доносился низкий раскатистый храп. Даже если бы я хотела снова уснуть, под такой аккомпанемент мне бы это не удалось. Я вскочила, умылась в микроскопической ванной. Горячая вода быстро закончилась. Может, успеет нагреться, пока Сами не проснулся? Потом поглядела на карту Парижа. Мне велено явиться в пункт назначения в пять тридцать утра. Это же просто нелепо! За окнами еще темно. Наверняка суровая проверка для новенькой, сказала себе я.

Я понятия не имела, как обращаться с причудливого вида кофейником, оставленным Сами на плите. Не хотелось наделать шума и разбудить хозяина – я ведь только что въехала. Поэтому я быстренько почистила зубы, натянула свитер и стала спускаться по лестнице в непроглядной тьме, пытаюсь побыстрее перебежать от выключателя к выключателю. К своему ужасу, я опять случайно ткнула пальцем в звонок на втором этаже и бросилась бежать как ошпаренная, пока хозяйка не подняла крик.

Адрес магазина – дом 63, улица Шануанс. Массивное здание из золотистого камня похоже на то, в котором живу я, только гораздо более ухоженное. Стоило отойти от обиталища Сами на две улицы, и бульвары стали чуть шире. Перед церковью живописная площадь с магазинами и кафе под полосатыми маркизами. Из-за горизонта наконец показался краешек солнца. По делам заспешили первые прохожие. Фургончики с цветочными луковичками, луком-пореем и омарами устремились к рынкам и магазинам. Укутанные уборщики, не глядя по сторонам, торопятся на работу. Водители автобусов зевают и потягиваются в теплых светлых кабинах. Мимо бесшумно проносятся велосипеды. На каждом углу уютно горят огни булочных. Запах теплого хлеба так и манит, но, увы, до открытия еще далеко. Я чувствовала себя голодной маленькой беспризорницей, которой только и остается, что жадно глазеть на витрины. Вчера вечером ужинать не было сил. Только сжевала зачерствевшие сэндвичи, которые взяла с собой в дорогу.

Пару раз я свернула не туда, и вдруг нужное здание выросло прямо передо мной. Сначала я заметила его, а через секунду еще и почуяла. На коричневой стене бледно-розовыми буквами выведено: «Le Chapeau Chocolat de Thierry Girard». Надпись неброская и ненавязчивая. Просто скромно сообщает, что шоколадная лавка здесь. Ее легко не заметить. Тем больше впечатляет уверенность хозяев в том, что в лишней рекламе заведение не нуждается.

Снаружи стоял молодой человек и курил сигарету. Потом к нему подошел другой мужчина, выше и крупнее, и принялся активно жестикулировать. Молодой человек бросил окурок

в водосток. Я недостаточно продвинулась в разговорном французском, чтобы понять, в чем дело: то ли мужчина постарше отругал молодого за вредную привычку, то ли это у него просто такая экспрессивная манера. Оба повернулись к двери и направились внутрь. Я робко шагнула на мостовую. И тот и другой взглянули в мою сторону.

– Э-э... Bonjour, – промямлила я.

Интересно, кто из них знаменитый Тьерри Жирар? Готова поспорить, что не юноша.

Оба мужчины уставились на меня. Тут молодой хлопнул ладонью по лбу. Не надо знать французский, чтобы его понять: «Совсем забыл, что вы приступаете сегодня!» Этот жест в любой стране означает одно и то же.

– J'arrive... d'Anglettere²³, – с трудом выговорила я.

– Oui, oui, oui, oui, – энергично закивал молодой человек.

Похоже, он злился на себя за рассеянность. Второй мужчина обрушил на него поток ругательств, которые молодой человек проигнорировал. У юноши буйные черные кудри, как у цыгана. Нос крупный, на лице отображается целая гамма чувств. Вот он с тоской покосился на брошенный окурок.

Наконец молодой человек явно принял какое-то решение.

– Добро пожаловать! – громко объявил он по-английски и махнул рукой в мою сторону.

Он явно понятия не имеет, как меня зовут. Ну почему во Франции меня везде встречают одинаково?

– Я Анна, – представилась я. – Анна Трент.

Крупный мужчина сердито поглядел на меня. Плечи широкие, телосложение крепкое: из него получился бы отличный игрок в регби.

– Ан-На Трон, – с плохо скрываемым раздражением произнес он. – Bonjour, madame.

Он развернулся и тяжелой поступью направился обратно в магазин. Молодой человек ничего странного или возмутительного в его поведении не усмотрел. Наоборот, весело улыбнулся.

– Он у нас молчун, – пояснил юноша, оглядываясь на двери. – Скорее всего, сегодня больше ни слова от него не услышите.

– Vous êtes Thierry?²⁴ – робко уточнила я.

– Non, non, – молодой человек рассмеялся, выставляя напоказ неестественно белые зубы. – Je ne suis pas Thierry²⁵. Меня зовут Фредерик. Осмелюсь заметить, я гораздо обаятельнее.

Молодой человек опустил взгляд на тротуар.

– Ну что ж, Ан-На Трон, постараемся чем-нибудь вас занять.

– Вы забыли о моем приезде?

– Non, non, non. Вернее, да. Откровенно говоря, забыл. – Фредерик наградил меня обезоруживающей улыбкой. – Понимаете, столько встреч... столько ночей... Попробуй запомни всех красавиц!

Еще нет шести утра, я выгляжу как зомби, да и у Фредерика вид помятый. Он явно понятия не имеет, что со мной делать, но даже в таких обстоятельствах считает своим долгом заигрывать с новой знакомой. Не всерьез и без особых стараний – так, мимоходом. Не скажу, что подпала под его чары, но столь усердное служение искусству флирта впечатлило.

Поначалу магазин кажется неприметным. Маленькая, скромная витрина и торговый зал размером с обычную гостиную. Сейчас в лавке никого нет, только отполированные до блеска стеклянные витрины ждут своего часа. Оранжевый свет фонарей из кованого железа льется

²³ Я приехала из Англии (фр.).

²⁴ Вы Тьерри? (фр.)

²⁵ Я не Тьерри (фр.).

внутри. Я разглядела натертый паркет и коробки на полках за прилавком. Первым делом здесь чувствуешь запах: тяжелый, насыщенный, густой аромат шоколада, обволакивающий, как табачный дым. Кажется, будто шоколадом здесь натирают и прилавки, и паркетные доски. Все здание пропитано шоколадом. Наверное, много времени пройдет, прежде чем я перестану замечать этот запах. Даже в пустом торговом зале он пьянит и кружит голову.

Петляя между витринами, Фредерик добрался до низкой двери в задней стене. Дверь открывается в обе стороны, вверху полукруглое окошко – ни дать ни взять вход на кухню старомодного ресторанчика. Я немного выждала, прежде чем последовать за Фредериком, чтобы меня не зашибло качнувшейся в обратную сторону дверью.

– Вот мы и на месте! – объявил тот. – Вилли Вонка существует!

Я улыбнулась шутке, но должна признать – и впрямь раньше не видела такой необычной комнаты. Впрочем, это помещение даже на комнату не похоже. На фабрике «Брэйдерс» всю продукцию готовили в огромных промышленных чанах из нержавеющей стали. Этот факт расстраивает всех до единого детей, которым я об этом рассказываю. Впрочем, кое-кто просто не поверил. Но здесь после тесного торгового зала попадаешь в просторную пристройку со множеством высоких окон. Такое чувство, будто оказываешься в гигантской теплице. Видимо, раньше на ее месте располагался задний двор. Деревянные стены старые и облупившиеся. Кажется, вот-вот обрушатся. Но я различаю жужжание ионизатора воздуха. За температурой и влажностью здесь тщательно следят. Фредерик кивнул в сторону огромной раковины для сотрудников, стоявшей у двери. Я торопливо вымыла руки антибактериальным гелем.

Освещение теплое: здесь горят электрические лампы, а не флуоресцентные. В задней части склада подоконник украшают горшки с ароматными травами: розмарином, лавандой, мятой. Заметила маленькое деревце. Да это же перец чили! Ассоциации с теплицей усилились. Три больших медных чана – наверное, для темного, молочного и белого шоколада – стоят посреди зала в окружении горелок, шлангов, печей, труб и всевозможной утвари.

В жизни ничего подобного не видела. О назначении большинства этих предметов мне остается только гадать. Пахнет здесь божественно, но с виду помещение напоминает сарай безумного садовника.

Шоколада нигде не заметила. Ни капельки. Медные чаны пустуют, оборудование стоит без дела. В воздухе висит тот же насыщенный запах, что и в торговом зале, а в остальном помещение напоминает музей.

Фредерик подошел с крошечной чашечкой густого черного кофе. С благодарностью я приняла ее и выпила, едва не поперхнувшись крепким напитком.

– У нас работают эльфы, – пошутил Фредерик. Мое удивление его позабавило. – Да, для Тьерри Жирара каждый день мы начинаем все сначала.

Тут меня посетила неприятная мысль.

– Неужели каждый день все вычищаете?

Фредерик с торжественным видом кивнул.

– Я теперь работаю у вас, значит...

Озорное лицо Фредерика вдруг приняло серьезное выражение. Только тогда я сообразила, что про свои будущие обязанности как-то не подумала – сосредоточилась на самом отъезде. На старой работе я предлагала новые вкусы для начинок, участвовала в контроле качества, ходила по цеху с клипбордом. Поэтому позволила себе размяться: воображала, как работаю бок о бок с величайшим шоколатье своего поколения и даже вдохновляю его на новые рецепты. Бойко общаюсь с покупателями. А может быть, даже придумываю собственные гениальные рецепты, в которых отражена сама суть знаменитой шоколадной лавки...

Мрачно подумала: интересно, как по-французски «резиновые перчатки»?

– Это бесценный опыт и большая честь, – объявил Фредерик.

– Вам тоже так говорили?

– Oui, – ничуть не смутившись, кивнул Фредерик.

Похоже, он вообще человек независимый и на чужие мнения внимания не обращает. Фредерик глянул на мои руки:

– Не советую тратить деньги на маникюр.

Да, перед отъездом я специально привела ногти в порядок. Разумеется, сделала французский маникюр. А теперь от досады пообкусывать его хочется.

– Но это всего лишь одна из ваших интереснейших обязанностей, – многозначительно вскинув брови, прибавил Фредерик. – Пойдемте, я вам все покажу.

Да, вынуждена признать: я и впрямь узнала много интересного. Раньше мне в голову не приходило, что шоколад нужно есть свежим. Наоборот, считала одним из достоинств этого продукта то, что его можно долго хранить и возить с собой. Удобнее, чем с молоком или яйцами.

– Тьерри вам все расскажет, – говорил Фредерик. – Но он не любит подолгу болтать с нами, маленькими людьми. Хочет, чтобы его считали гениальным изобретателем. Он – эдакий волшебник страны Оз, а мы всего лишь муравьишки, снуем туда-сюда по его магазину. Поэтому я, Фредерик, все вам объясню.

Свежесть шоколада очень важна, – объявил он, будто читая по бумажке. – Свежесть – это легкость, консистенция и тонкость, какие не найдешь в здоровенной плитке шоколада. Эта гадость валяется на полке по три месяца и становится все тяжелее и тяжелее, пока не превратится в кирпич. Non! Так нельзя. К шоколаду следует относиться как к деликатесу: этот продукт употребляют свежим, едва сорванным с дерева.

Крупный мужчина, которого мне представили как Бенуа, притащил большую коробку неочищенных какао-бобов и включил промышленных размеров печь.

– Начнем с основных принципов, – произнес Фредерик.

От бобов исходил чарующий насыщенный аромат. Бенуа насыпал их в огромный вращавшийся сортировальный барабан, смахивавший на стиральную машину. А с каким грохотом он работал!

– Готово, – объявил Фредерик пятнадцать минут спустя.

Все это время я прохаживалась по помещению и вдыхала аромат трав в задней части теплицы. Потом Фредерик сказал что-то, чего я не поняла, и жестом велел повторять за ним. С невероятной быстротой он принялся беспощадно раскалывать бобы молотком, высвобождая их теплое шоколадное содержимое. Каждый четвертый боб Фредерик выбрасывал.

– А мне сказали, шоколад – ваша специальность, – озадаченно произнес молодой человек, когда я уставилась на дело его рук во все глаза.

– Фабричный шоколад, – уточнила я. – Я просто включала и выключала оборудование.

Фредерик соорудил истинно галльскую недовольную гримасу. Бенуа мельком взглянул в мою сторону и опять взялся за молоток. Даже не верится: в наши дни шоколад производят, будто в Средние века.

– Мы работаем руками, – терпеливо пояснил Фредерик.

Всю его игривость как рукой сняло. Наверное, ему нравятся только девушки, умеющие делать шоколад руками. Да, при таких вкусах выбор у парня невелик.

Фредерик кивнул в сторону свободного молотка. Я взяла его и осторожно стукнула по бобу. Никакого результата. Замахнулась сильнее. Хлоп! Я расплющила боб в лепешку. Бенуа молча взял его и выбросил в мусорное ведро. Я нервно сглотнула. Сомневаюсь, что от меня тут будет много пользы.

– Наверное, лучше вам пока просто понаблюдать, – заметил Фредерик.

Вскоре я обратила внимание: прежде чем стукнуть по бобу, они делают быстрое, едва различимое движением запястьем. Похоже на игру «стукни крота», только гораздо интереснее.

Когда они закончили, Фредерик достал на удивление изящный мини-пылесос и сдул им все скорлупки. Я допила обжигающе горячий кофе, – впрочем, по вкусу этот напиток больше напоминает чистящее средство повышенной мощности. Нет, каждое утро такое пить не смогу. К этой штуке привыкнуть невозможно.

– А теперь сгружаем бобы сюда. – Фредерик указал на огромную мельницу.

– Значит, машинами все-таки пользуетесь, – выпалила я так, будто в чем-то их обставила.

В ответ меня наградили таким взглядом, что я сразу сообразила: надо было прикусить язык.

Тут Бенуа вернулся с улицы, таща массивные ящики с молоком, маслом и сливками. Все бутылки из грубого переработанного стекла. Давненько я не видела молоко в стеклянной бутылке. Бенуа обернулся и с кем-то попрощался. До сих пор не рассвело, но черное небо едва заметно посветлело.

– Продукты принимаем только у одной молочной фермы на реке Уаза, – прокомментировал Фредерик. – Доставляют каждое утро. Конечно, швейцарские были бы лучше, но мы не можем так долго ждать.

Фредерик включил мельницу и стал осторожно и бережно скармливать ей драгоценные бобы. Вниз потекла густая темная жидкость. Она проходила сквозь сито, а потом вливалась в специально прикрепленную снизу бутылку. Фредерик глядел на все это с довольным видом. Когда перемололись все бобы, я подняла голову и спросила:

– Что теперь?

В «Брэйдерс» мы сразу начинали с жидкости и бросали в нее остальные ингредиенты, но, чувствуя, сейчас об этом лучше промолчать.

– Коншируем, – ответил Фредерик.

Ну, это слово я знаю. Коншировать – значит смешивать ингредиенты до нужной консистенции. В результате получаем нужный вид шоколада: темный, низкокалорийный, молочный или с начинкой. Любая, даже крошечная оплошность может превратить лакомство в гадость: шоколад получится слишком приторным, зернистым или ломким. Оборудование в «Брэйдерс» запрограммировано так, чтобы каждый раз выдавало одни и те же параметры. Там используют дешевое порошковое молоко, консерванты и вкусовые добавки.

– Конширует, конечно же, Тьерри, – произнес Фредерик, почтительно склонив голову. – Это самый важный этап работы. Непосвященные к нему не допускаются.

Коншировать вручную очень трудно. А потом шоколад еще нужно рафинировать и подвергать термической обработке, чтобы затвердел и сохранил форму. Да, надо признать: впечатляет.

– Но это будет завтра, – пояснил Фредерик.

А Бенуа между тем переливал густую жидкую массу в кастрюлю, проверяя температуру смеси лопаточкой и одновременно медленно помешивая жидкость в другой кастрюле на плите. Обычно для этих целей пользуются не лопаточкой, а термометром, но, как я потом узнала, Бенуа практически вырос в шоколадной лавке. Он чувствует консистенцию шоколада инстинктивно: так же музыкант определяет, хорошо ли настроен его инструмент.

Если Бенуа устраивало качество, он фальшиво напевал себе под нос. Если нет, выливал жидкость обратно в большую кастрюлю и начинал сначала, пока не добивался идеального результата.

Наконец все было готово.

– Rien plus – хватит! – велел Фредерик, с трудом перекивая грохот мельницы. – Мы используем только лучшие какао-бобы из Коста-Рики, свежее, нежнейшее молоко из Нормандии от коров с идеально сбалансированным рационом и самый качественный тростниковый сахар с Ямайки, изготовленный старым традиционным способом, а не гигантскими машинами.

В заводском сахаре чего только не найдешь: жир, консерванты, всякую шелуху и пластыри с пальцев работников.

Глядя на завораживающую смесь разных цветов, лившуюся в формы, я не могла отвести взгляд от этого зрелища. Увидев такую потрясающую красоту, трудно спорить с философией Тьерри. Да, шоколад должен изготавливаться и употребляться свежим, так же как кофе или круассаны. В Англии я ни разу не чувствовала такого теплого, насыщенного, чистого аромата. Еще бы: на фабрике мы добавляли в продукцию изрядную долю растительных жиров, чтобы смесь была гуще. Вот почему многим любителям британского шоколада изысканные деликатесы не по вкусу: скучают по привычным жирам.

– Только не вздумайте пальцы макать, – предупредил Фредерик.

Но я бы и так ни за что не дотронулась до готовившегося продукта. Я посетила достаточно нудных курсов на тему гигиены и безопасности, чтобы это правило надежно засело в моей голове. Надо быть совсем дурочкой, чтобы его не запомнить.

Между тем Фредерик протянул мне изогнутый металлический черпак с длинной ручкой. На конце вместо ковша что-то вроде ложки. Бенуа отошел в сторону.

– Осторожно, – предостерег он.

Фредерик лишь молча покачал головой и внимательно посмотрел мне в лицо. Он не отрывал любопытного взгляда от моих губ. Меня это сбивало с толку – правда в хорошем смысле. Осторожно я опустила черпак в смесь и поднесла ко рту светло-коричневую жидкость. Подула на нее, чтобы немножко остыла. Под пристальным взглядом Фредерика поднесла к губам.

Героиновые наркоманы часто говорят, что зависимость приобрели, надеясь достичь того же кайфа, что и от самой первой дозы: тогда им казалось, будто все проблемы и тревоги отступили. Конечно, было бы преувеличением сказать, что я ощутила то же самое. И все же стало теплой, приятно густой жидкости коснуться моего языка, я подумала, что сейчас свалюсь в чан. Нет, хуже – нырну в него и выпью до последней капли это шоколадное великолепие. Вкус сладкий, но не приторный, сливочный, но не жирный. Насыщенный, глубокий, нежный, обволакивающий. Казалось, меня заключили в дружеские объятия. Меня сразу же охватило отчаянное желание снова ощутить этот волшебный вкус, погрузиться в это блаженство с головой. Вдруг я заметила, что Фредерик до сих пор пристально глядит на мои губы. Невольно я засмузилась и покраснела. Машинально опустила ковш, собираясь опять окунуть его в смесь, но в последний момент сообразила, что настоящие профессионалы так себя не ведут. Я же не хочу, чтобы меня посчитали жадной или голодающей. Подняла пустой черпак. Фредерик вопросительно вскинул брови.

– Вкус очень...

Что я могу сказать? Что по сравнению с этим шоколадом все, что я ела до этого, – мерзкие помои? Вкус настолько великолепен, что плакать хочется? Отныне буду питаться только их шоколадом и ни к чему другому не притронусь. А он ведь еще даже не застыл.

– Очень хорошо, – наконец произнесла я.

Фредерик повернулся к Бенуа. Тот пожал плечами.

Между тем в помещении стало жарко, но едва температура сделалась некомфортной, как раздалось деловитое жужжание – автоматически включился кондиционер. Я ощутила приятную прохладу. Оборудование на этом производстве старое, хрупкое и держится только на скотче. Но, без сомнения, работает оно как часы. А результаты просто сказочные! «Брэйдерс» такое и не снилось. Да и мне не снилось. Я даже представить не могла, что на свете существует такой шоколад.

– «Очень хорошо» – это слабо сказано, поп? – заметил Фредерик.

Похоже, мой ответ оскорбил его до глубины души.

– Извините, – пробормотала я. – У нас в Англии так принято. *Le style Anglais*²⁶.

Этот ответ немного успокоил Фредерика. Классическая английская сдержанность не позволяет ни о чем говорить с пылом и восторгом. Пусть Фредерик и дальше так думает. Но на самом деле я просто не хотела признаваться, в каком я восхищении. Боялась показаться невеждой, не имеющей представления о хорошем шоколаде. Я ведь сюда помогать приехала!

Между «Брэйдерс» и шоколадной лавкой Тьерри – огромная пропасть. Это все равно что сначала мастерить ракеты из бутылок от моющего средства, а потом снаряжать космическую миссию на Марс. Поэтому я решила держать рот на замке, и замок я открою, только если представится возможность отведать еще немного этого восхитительного шоколада. Тайком, разумеется.

Фредерик с явным злорадством показывал мне, где лежат чистящие средства. Объяснил мои обязанности. На ближайшее время состоять они будут в том, чтобы дробить молотком какао-бобы, пока я не перестану портить продукт. Фредерик показал, как отсеивать куски скорлупок, и объяснил, как работает производство и магазин. Когда мы закончили, было почти десять часов утра. Яркие солнечные лучи лились внутрь, освещая растения на подоконнике. От этого эффект теплицы только усилился. Я решила, что сейчас магазин, должно быть, откроется: Фредерик и Бенуа нервно поглядывали на часы. Но оказалось, они ждали другого. Через пять минут двери с громким лязгом распахнулись. Бенуа вдруг скрылся в неизвестном направлении, а веселую плутовскую усмешку Фредерика сменило настороженное, заискивающее выражение лица. Я оглянулась..

– Allons-y – за дело! – прогреготал оглушительный бас.

Затая Клэр принесла мне немало сюрпризов и потрясений, но такого я уж точно не ожидала.

Судя по тому, с какой интонацией Клэр говорила о Тьерри и как заливалась краской, едва упомянув его имя, этот мужчина сыграл в ее жизни особую роль. О бывшем муже, Ричарде, Клэр всегда говорила подчеркнуто вежливым тоном.

В ней до сих пор безошибочно угадываются черты юной красавицы, какой она когда-то была. Клэр по-прежнему красива, особенно в приглушенном свете, когда на лбу не проступают морщины, оставленные годами страданий.

Я воображала импозантного седовласого мужчину. Может быть, с бровями цвета воронова крыла. Одет в белую форму шеф-повара или дорогой элегантный костюм. Эффектный, стильный мужчина, под стать Клэр. Этаким светский лев. Замкнутый, сдержанный, никого не подпускает к себе близко. При упоминании о Клэр лишь улыбнется краешком губ. Или – увы! – с трудом ее припомнит. Да, много лет назад одна девчонка втрескалась в него по уши, но сейчас это лишь приятные воспоминания о золотой поре юности, не имеющие отношения к реальной жизни. Возлюбленный Клэр – этаким романтический герой, красавец с ноткой грусти во взгляде.

Но у настоящего Тьерри Жирара не оказалось ничего общего с персонажем моих фантазий.

Не знаю, владеет ли он английским. Тьерри провел некоторое время в Австралии и Америке, где приобрел славу и всеобщее уважение, а значит, хоть что-то знать должен. Но за все время я не услышала от него ни слова на моем родном языке. Тьерри не просто крупный мужчина, а огромный: рядом с ним кажется, будто больше ни для кого в магазине нет места. Живот, обычно обтянутый широким белым передником, выглядит отдельным самостоятельным существом и входит в помещение раньше хозяина.

– Это еще кто? – рывкнул Тьерри, окинув взглядом помещение. – Фредерик, опять ночную бабочку притащил?

²⁶ Английский стиль (*фр.*).

Поначалу смысл французских фраз доходил до меня с опозданием. Только через несколько секунд я сообразила, что мне нанесли страшное оскорбление. И слава богу: успею я возмутиться, в ту же секунду опять стала бы безработной.

– Это Ан-На Трон, – представил меня Фредерик. – Наша новая помощница.

Широкое лицо Тьерри приблизилось к моему. Пышные усы шоколатье – единственная приметная черта месье Жирара. Остальные так заплыли жиром, что утратили четкость. Маленькие черные глазки напоминают две изюминки, воткнутые в пышный кекс. Кожа бледная и рыхлая. Из плоских ноздрей торчат пучки волос.

Тьерри воззрился на меня.

– Допустить к моему шоколаду женщину?.. – протянул он. – Ну не знаю...

Я ошеломленно застыла. Да, в Великобритании такого не услышишь. Я уже собиралась оскорбиться, как вдруг широкие мясистые плечи затряслись от рокочущего хохота.

– Я пошутил! Шутка! Шутка!

Тьерри снова уставился на меня. Щелкнул пальцами:

– Знаю, кто вы!

Я растерянно глядела на шоколатье.

– Подруга Клэр?

Я кивнула.

– Вы с ней друзья?

– Клэр была моей учительницей.

– Французского?

Я снова кивнула.

– Ха-ха! Чему же она вас научила? Произношение у нее было то еще – будто собака салатные листья жуёт!

– Клэр прекрасная учительница. – Я оцетинилась.

Тьерри два раза растерянно моргнул:

– Даже не сомневаюсь. Могу представить. Вот только няня из нее была никудышная, но это, alors – увы, моя вина.

Тьерри в задумчивости умолк. Я смущенно переминалась с ноги на ногу. Сообщила ли ему Клэр о своей болезни и, если да, известно ли ему, насколько все серьезно?

– Вы только что из больницы?

– Со мной все в порядке, – упрямо парировала я.

Не собираюсь без лишней надобности рассказывать о своей травме.

– Значит, работать можете?

– Без сомнения. – Я постаралась улыбнуться как можно увереннее.

– Вон. Хорошо.

Тьерри снова погрузился в раздумья.

– И Клэр тоже больна...

Я смогла только молча кивнуть. Казалось, Тьерри хотел еще о чем-то спросить, но сдержался.

– Ну что ж, добро пожаловать. В шоколаде разбираетесь?

Я честно посмотрела Тьерри в глаза. Лицо у него как у большого доброго великана. Ну, этот вопрос для меня трудностей не представляет.

– Да, месье. Десять лет проработала на шоколадной фабрике.

Тьерри посмотрел на меня так, будто ждал еще чего-то.

– Ваш шоколад лучший, – просто прибавила я.

Со своим скудным французским я не осмелилась распространяться на эту тему. Тьерри помолчал, потом снова оглушительно расхохотался.

– Нет, вы ее только послушайте! – прогрохотал шоколатье. – Элис! Элис! Иди сюда! Ты не должна такое пропустить! Твоя соотечественница приехала.

Из задней комнаты вальжной походкой вышла удивительно худосочная женщина. На вид лет пятидесяти, но очень хорошо сохранилась. Рот широкий, на губах ярко-красная помада, волосы обрамляют голову, будто блестящий черный шлем, только спереди бросается в глаза элегантный белоснежный завиток. На Элис были узкие брюки и мужской пиджак. Выглядела она сногшибательно, – глядя на нее, другого слова не подберешь. Элис родом из Англии, но, по собственному утверждению, так давно в Париже, что совсем позабыла английский. На самом деле это означает, что Элис не желает тратить время на жалкое создание вроде меня – или читать газеты с английскими эмигрантами, собирающимися в книжном магазине «Шекспир» и пабах «Фрог» или «Смитс» на улице Риволи.

Лучший способ вывести Элис из себя – догадаться, что она англичанка, прежде чем она откроет рот. Несколько раз я подговаривала людей устроить ей такой вот приятный сюрприз. Понимаю, розыгрыш ребячливый, но она первая начала мне грубить.

Элис вопросительно взглянула на Тьерри:

– Chérie?²⁷

– У нас теперь работает девушка из Англии!

Элис окинула меня взглядом с ног до головы. Я сразу застеснялась и затрапезной юбки, и туфель на плоской подошве, и сумки из «Гэпа», и прически в стиле «только с постели».

– Оно и видно, – бросила Элис.

Трудно поверить, что эта высокомерная стерва – англичанка. Хотя нет, не так уж и трудно, однако она производит впечатление стопроцентной француженки. Остается только надеть берет, отрастить тонкие подкрученные усики, нарядиться в полосатый свитер, повесить на шею связку лука, сесть на велосипед и капитулировать перед Германией.

– Здравствуйте, – сказала я по-английски.

– Bonjour, – ответила Элис и тут же отвела взгляд, будто разговор со мной уже успел ей наскучить.

Уж не знаю, что заставило Тьерри променять милую Клэр на это чудовище, но теперь не удивляюсь, почему он ест без остановки.

Тьерри поманил меня к себе. Первым делом он обратил внимание на свежее какао. Фредерик налил его в большой чан. С неожиданной для такого грузного мужчины ловкостью Тьерри повернул вентиль на кране. Чан наполнился теплой густой шоколадной жидкостью. Над ней поднимался легкий парок. Потом Тьерри налил молока, припорошил смесь слоем белоснежного сахара, попробовал. Все это он проделал несколько раз с молниеносной быстротой.

– Да! Нет! Да! – рявкал Тьерри. – Нет! Еще! Быстрее!

Мужчины торопливо исполняли его распоряжения. Наконец мастер остался доволен.

– Приступаем, – объявил он.

– Лаванды! – рявкнул Тьерри.

Фредерик поспешил к горшку на подоконнике и срезал веточку. Тьерри порубил ее на удивительно мелкие кусочки, причем орудовал ножом с такой скоростью, что я испугалась: сейчас отхватит себе палец. Затем шоколатье велел принести крошечный хрустальный флакон с такой насыщенной лавандовой эссенцией, что стоило Тьерри вынуть пробку – и по всему помещению тут же распространилось головокружительное благоухание, будто мы перенеслись на весенний луг. Тьерри осторожно наклонил флакончик. В миску упала одна капля, вторая, третья. Одновременно шоколатье перемешивал смесь свободной рукой. Крошечные фиолетовые частицы лаванды почти скрылись. Тьерри мерил шагами помещение. Обошел его один раз, второй, третий, яростно мешая левой рукой и прижимая миску к груди правой. Время

²⁷ Дорогой (*фр.*).

от времени останавливался, погружал палец в смесь, облизывал и снова принимался ходить по залу, то добавляя еще капельку сливок, то немного темного шоколада из чана. Наконец Тьерри объявил, что доволен результатом, поставил миску и отошел. Бенуа отнес ее к печи. Там шоколад приобретет нужную форму, пройдет температурную обработку и к завтрашнему дню будет готов.

Тут Тьерри рявкнул:

– Форму!

Фредерик тут же подскочил к нему со свежей порцией шоколада. Тьерри ловко налил его в форму, не пролив ни капли. Оставив противень остывать в холодильном шкафу, резко развернулся. Бенуа беззвучно поставил перед ним большую коробку желейных конфет. Тьерри взялся за нож и ловко орудовал им, пока не получились крошечные ромбики, идеально ровные и похожие друг на друга как две капли воды. Пока Тьерри работал, шоколад застыл. Достав его из холодильника, Тьерри перевернул форму. На рабочую поверхность выпали тридцать две безупречные шоколадные конфеты. Тьерри украсил желейными ромбиками верхушки шоколадных завитков. Искоса взглянул на меня и пододвинул ко мне одну штучку.

– Скажите, что думаете, – велел шоколатье.

Я откусила кусочек. Ощутила приятные ненавязчивые цитрусовые нотки. Видно, Тьерри добавил в шоколад лайм: еще раньше я заметила деревце на подоконнике. Этот привкус идеально дополняет вкус шоколада. Вкус у конфеты легкий. Даже не верится, что ешь калорийный продукт! При этом вкус не исчезает мгновенно: наоборот, его насыщенность усиливается, раскрываются новые нюансы. Кусочек кислого желе наверху уравнивает приторность. Это шедевр. Не конфета, а произведение искусства. Губы сами собой расплылись в блаженной улыбке.

– Вот такое лицо должно быть у наших покупателей, поняли? – обратился Тьерри к остальным. – Точно такое. Сегодня сделаем четыреста штук лавандовых, розмариновых с конфитюром, мятных...

Тут Тьерри повернулся к Элис:

– Попробовать не хочешь?

Та смирила его ледяным взглядом.

– Шучу, – обращаясь ко мне, пояснил Тьерри. – Она как робот: никогда не ест.

– Ем, – холодно возразила Элис. – Но только нормальные продукты, а не отраву.

Приятное шоколадное послевкусие у меня во рту неожиданно перешло в горечь. Я едва сдержалась, чтобы не закашляться. Тьерри озорно подмигнул мне. Я улыбнулась в ответ, хотя то, что меня приняли в братство обжор-жирдяев, не особо порадовало.

– Что скажете? – спросил Тьерри. – Сойдет?

– Великолепно, – совершенно искренне ответила я.

Фредерик улыбнулся мне, как будто давая понять, что пока я хорошо вписываюсь в их коллектив.

Тьерри щелкнул пальцами. Бенуа подал ему эспresso, перед этим высыпав в кофе полсахарницы.

Повисла благоговейная тишина. Тьерри залпом опрокинул эспresso, со звоном опустил чашку на поднос и объявил:

– Заканчивайте!

Они с Элис вышли, и мужчины сразу принялись за работу. Фредерик вручил мне швабру и велел драить все, что попадется на глаза. Оба работника двигались с поразительной скоростью, воспроизводя творение Тьерри бесчисленное количество раз. Сначала лавандовые конфеты, потом розмариновые с конфитюром. Последнее сочетание прозвучало странно, однако стоило попробовать, и странным начало казаться другое: зачем люди едят другие конфеты?

Ровно в одиннадцать Фредерик снял грязный передник и поменял его на парадный белый. На кармане было вышито его имя и название магазина. Фредерик отправился открывать шоколадную лавку. Грохнули ставни. Звук эхом разнесся по улице. По соседству между тем готовились принимать покупателей другие магазины, кафе и рынки. Через запотевшие окна мастерской я заметила, что солнце встало, но, когда зашла в магазин, ударивший в лицо яркий луч заставил заморгать от неожиданности.

Спина и так уже разболелась: согнувшись в три погибели, я вычищала каждый уголок в мастерской. А потом Бенуа велел отдраить медный чан и выдал ящик, где хранился целый арсенал зловонных чистящих средств. Клэр оказалась права: без трудолюбия тут и впрямь не обойтись.

Прежде чем я взялась за дело, Фредерик позвал меня на улицу покурить. Я не курю, но составила ему компанию.

Фредерик приветливо машет рукой и обменивается шутками с владельцами соседних магазинов. Те выставляют перед входом стенды со своим товаром. Хозяин маленького книжного магазина расставляет романы в мягких обложках, некоторые довольно потрепанные. А вот печатная мастерская со старинными картами Парижа в прозрачных пластиковых чехлах. На стенах вывешены репродукции великих полотен, призванные привлекать туристов: Моне, Климт. В другом магазине, похоже, торгуют всеми существующими сортами чая. Вдоль стен тянутся ряды полок с яркими разноцветными металлическими баночками. Каких вкусов тут только нет: мята, кардамон, грейпфрут, карамель. Ароматы, которые исходят от этого магазина, сдержанные и утонченные: здесь пахнет листьями. А в шоколадной лавке Тьерри запахи царят насыщенные, приземленные.

Фредерик тепло поздоровался с владельцем: высоким, худым стариком, который выглядел таким же сухим, как и его товар. Казалось, дунет ветер – и улетит. Должно быть, они с Тьерри неплохо ладят: две противоположности дополняют друг друга. Справа от шоколадной лавки расположен хозяйственный магазин: тут продают метлы, совки для мусора, насадки для швабр, гвозди.

На втором этаже открываются окна. Улочки здесь такие узкие, что соседи знают друг о друге все. Вот жильцы пьют кофе и разворачивают газеты – «Матэн», «Фигаро». И везде постоянным аккомпанементом звучит оживленная французская болтовня. Даже не верится: вот она я, стою с настоящим французом на улице, заполненной настоящими французскими магазинами. Да что там – я и сама работаю в настоящем французском магазине! Пью густой кофе, наблюдаю, как вокруг кипит жизнь. От недосыпа в голове муть, вдобавок переела сладкого. Но должна признаться: внутри все так и клокочет от радостного волнения. Не смущает даже то, что остаток дня предстоит драить здоровенный металлический чан. Меня предупредили, что работать надо с крайней осторожностью, чтобы не отравить металл чистящими средствами. Ни в коем случае нельзя нанести урон патине: именно она придает шоколаду особые вкусовые нюансы. Все это Бенуа повторял, пока у меня глаза от скуки не остекленели. Ну что ж, буду разбираться с проблемами по мере их поступления.

А сейчас просто наслаждаюсь моментом: стою на улице, вдыхаю терпкий дым сигарет «Галуаз», смотрю, как по тротуару бодро трусит собака с газетой во рту, а трио голубей кружит над высокими крышами, слушаю звон колоколов, доносящийся с другого берега реки.

– Вы ему понравились, – заметил Фредерик. – Будьте осторожны. Это значит, что вы точно не понравитесь Элис.

– Ничего, разберусь, – ответила я с уверенностью, которой не чувствовала. – И не таких на место ставила.

А это смелое заявление и вовсе наглая ложь. В присутствии людей, которые позволяют себе грубить, я всегда робела – подумать только, у них хватает самооценки, чтобы глядеть на других свысока!

– Они в отношениях?

Фредерик фыркнул:

– Без Элис Тьерри бы целыми днями в постели валялся и собственную продукцию ел. Это она толкает его вперед. Благодаря Элис он прославился. И теперь она боится, что его кто-нибудь уведет.

«Этого жирного борова?» – подумала я, но вслух говорить не стала. К тому же вряд ли элегантная светская львица Элис увидит соперницу во мне.

На мощные улочки уже вышли первые туристы. Восхищаются и умиляются, какое тут все хорошенькое и старомодное. Несколько человек гуляют в сопровождении гидов. При виде нашей вывески их лица озаряют улыбки.

– Начинается великое нашествие, – объявил Фредерик.

Он поспешно выкинул окурочек в водосточный желоб, вернулся в шоколадную лавку и расплылся в широкой улыбке.

– Bonjour, messieurs, dames!

Из мастерской, где я очень медленно и аккуратно чищу огромный чан зубной щеткой – можно подумать, меня за что-то изощренно наказали! – видны затылки прохаживающихся по магазину покупателей. Иногда Фредерик заглядывает к нам и рывкает на Бенуа, чтобы поторапливался. Тот невозмутимо и методично заполняет свежими конфетами один поднос за другим. Похоже, распродают они моментально по мере поступления, хотя цены, надо сказать, отнюдь не демократичные. Я глазам своим не поверила, когда увидела, сколько стоят конфеты. Позже Фредерик объяснил: да, делать шоколад по методу Тьерри очень дорого. Мастеру требуются только лучшие продукты, но даже самые редкие травы не поднимут цену до таких заоблачных высот. Просто Элис рассудила: покупатели по-настоящему ценят только то, за что приходится выложить кругленькую сумму. Замечено: стоит поднять цены, и покупателей сразу прибавляется, а статьи о шоколадной лавке печатают в журналах для элиты. Постепенно люди со всего света стали стекаться на Рю де Шануанс, чтобы посетить знаменитую, единственную и неповторимую шоколадную лавку. А Тьерри продолжает работать как ни в чем не бывало – и платит персоналу чистые гроши, сердито прибавил Фредерик. Еще бы: все идет в карман к Элис и тратится на сумочки от «Шанель». Интересно, сколько в этом правды, а сколько – неприязни к Элис?

Ровно в полдень Фредерик запер дверь и закрыл ставни. Бенуа выключил всю аппаратуру и уехал на стареньком велосипеде. Даже удивительно, как железный конь выдерживает его вес.

– Куда это он? – спросила я.

– Как это – куда? Сейчас перерыв, – объявил Фредерик. – Будем обедать.

– И долгий у нас обеденный перерыв?

На фабрике нам давали сорок пять минут. Раньше обед длился час, но потом нам пошли навстречу и сократили перерыв, чтобы мы могли уходить с работы пораньше. Но и в коротком обеде хорошего мало: не успеваешь ни сходить в город, ни забежать в магазин, ни с кем-нибудь встретиться.

– Магазин открывается в три. – Фредерик пожал плечами.

Я пораженно уставилась на него. Шутит Фредерик, что ли? Ну конечно – это просто розыгрыш.

– С двенадцати до трех? Перерыв длится три часа?!

Фредерик, похоже, ничего особенного в этом факте не видел.

– Конечно. Надо же пообедать, вздремнуть...

Кстати, раз уж Фредерик заговорил на эту тему – я с удовольствием поспала бы. Вскочила-то я сегодня еще до рассвета.

Фредерик весело улыбнулся и зашагал прочь. Я так и осталась стоять столбом. Элис проществовала к выходу, даже не попрощавшись, и залезла в фургон с коробками свежей продукции. Тьерри помахал ей вслед, потом взглянул на меня. К моему удивлению, в его глазах плясали озорные искорки.

– Позвольте угостить вас обедом, – предложил он.

Глава 8

Если не считать шоколада, у меня за все утро росинки маковой во рту не было. А если учитывать, во сколько я встала, давно пора подкрепиться. Тьерри предложил мне опереться на его руку. Надо сказать, шел он не слишком быстро. Перейдя через мост Луи-Филиппа, мы нырнули в лабиринт узких улочек.

Кругом полно туристов, хотя время от времени попадаются и местные. Все они приветливо кивают Тьерри. По обеим сторонам тянутся ряды кафе и ресторанов. Снаружи выставлены меню с фотографиями и летние столики, – похоже, хозяева оптимисты. Однако Тьерри гордо прошел мимо всех этих заведений.

Когда мы добрались до дальней части квартала Маре, Тьерри вдруг свернул в крошечный мощный переулок между двумя жилыми домами с белыми ставнями и бельем, вывешенным сушиться из верхних окон. Случайно найти этот ресторан невозможно – нужно точно знать, что он там. В конце крошечного переулочка на ветру покачивается скромная деревянная вывеска, на которой нарисован пузатый глиняный горшок. Мы как будто угодили в Косой переулок из «Гарри Поттера». Я вопросительно взглянула на Тьерри, тот лишь молча подмигнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.